Борис Поршнев

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЗАГАДКА СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О РЕЛИКТОВЫХ ГОМИНОИДАХ

Борис Фёдорович Поршнев
Загадка «снежного человека». Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах
Серия «Тайная история человечества»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7959277
Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. / Поршнев Б.Ф.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-6995-4740-1

Аннотация

Борис Федорович Поршнев (1905–1972), известный советский историк и социолог, доктор исторических и философских наук, основатель российской школы гоминологии (науки о «снежном человеке»). Эта его книга – единственное в своем роде по полноте и научной основательности исследование таинственного «снежного человека», охоту на которого безрезультатно ведут ученые-зоологи и любители непознанного на всех континентах Земли. Автор рассматривает историю возникновения и развития легенды о «снежном человеке» у нас в стране и за рубежом

– в Китае, Гималаях, Северной Америке, дает обзор встреч человека и гоминоида и делает на основании существующих данных выводы о природе «снежного человека».

Содержание

Слово о друге и учителе 6
От автора 10
Часть I 11
Глава 1 11
Глава 2 42
Глава 3 67
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Борис Поршнев
Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012
© ООО «Издательство Эксмо», 2012

Слово о друге и учителе

В шестидесятые годы прошлого, XX, века мне посчастливилось неоднократно встречаться с автором этой уникальной книги, слушать его увлекательные лекции на заседаниях Географического общества, Московского общества испытателей природы (МОИП) и Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Борис Федорович Поршнев особенно любил общаться с молодежью и часто приходил на юношескую секцию ВООП, где его с нетерпением ждали мы, «вооповцы» и наш любимый учитель «ППС» – Петр Петрович Смолин.

Наш ППС и профессор Поршнев были давними друзьями и соратниками в работе по проблеме «снежного человека».

По рекомендации ППСа мой друг-однокурсник Петя (Петр Петрович Второв) и я не раз посещали квартиру Бориса Федоровича и слушали его рассказы в то самое время, когда в его заваленном книгами и рукописями кабинете постепенно создавалась, рождалась эта рукопись, ставшая книгой, которую вы держите в руках. Мы с Петей – верные фанаты идеи «снежного человека», получили из рук автора по экземпляру этой самой книги, вышедшей ротапринтным изданием тиражом всего в… 200 (двести!) экземпляров.

В книге проявился талант крупного ученого-историка, антрополога, этнографа, философа и психолога. Автору удалось неопровержимо доказать реальность существования

снежного человека и даже очертить его исторический ореал и показать этапы его сокращения. Борис Федорович по специальности был историком, в 1941 году защитил докторскую диссертацию по истории Франции, в 1950-м стал лауреатом Государственной премии СССР, а в 1966 году защитил вторую докторскую диссертацию, на сей раз по философии.

Работу над этой книгой Борис Федорович Поршнев завершил уже в 1961 году, и по постановлению Президиума АН СССР она была выпущена в 1963-м.

После долгих и безуспешных попыток обнаружить и поймать снежного человека, в которых участвовали многие отважные исследователи, в кругу ученых стало формироваться скептическое отношение к реалистичности этой проблемы. И тогда историк, этнограф и философ Б.Ф. Поршнев, не выходя из кабинета, системно проанализировал всю существующую информацию и абсолютно достоверно доказал: *снежный человек – это реальность!*

Чтобы вам, дорогой читатель, захотелось обязательно прочесть всю книгу до конца, как уникальную документальную повесть, а не «фэнтези», приведу вкратце цепочку неоспоримых доказательств автора.

В фольклоре всех народов герои-персонажи бывают двух видов: сказочные и реальные. *Сказочные* – леший, домовой, водяной, ведьма в ступе с помелом, эльф, тролль, гном и другие. Облик этих героев может быть самым разным, в соответствии с фантазией сказителя и обычаями каждого кон-

кретного народа. *Реальные* – медведь, волк, лиса, заяц, мышка-норушка, ворона, петух и другие. Эти герои, хоть и говорят в сказках, но облик имеют природный: медведь – бурый, неуклюжий, волк – серый, зубастый, лиса – рыжая, ловкая, мышка – серая, с длинным хвостиком, а петуха и ворону всегда узнаешь. Т. е. есть четкая граница между сказочными и реальными героями.

И вот Борис Федорович предлагает нам решить, к какой группе относится снежный человек – он же алмасты, йети, гульбияван, бигфут и проч. и проч. Каждый народ, увидев его, дал ему свое неповторимое название. И это важно: между народами и племенами, где обитал (или еще обитает) снежный человек, проходит несколько прочных языковых барьеров и границ, сохранявшихся до XX века. А теперь сравним (по Б.Ф. Поршневу) описания снежного человека, сохранившиеся на десятке разных изолированных языков. Они поразительно совпадают: высокий рост, могучее телосложение, длинные руки, сутулая фигура, мощная шея и заметный гребень на затылке и макушке, темнорыжая густая шерсть, громкий пронзительный голос и… тяжелый, отвратительный запах. Да, это реальный персонаж, а не герой сказок!

А где же он обитал, где и поныне мог сохраниться, как он выживает в таких суровых условиях, почему его до сих пор не поймали, почему не сняли о нем добротный документальный фильм? Вот на все эти вопросы вам и ответит мой до-

рогой учитель, великий ученый Борис Федорович Поршнев.

Николай Николаевич Дроздов,
академик Российской академии естественных наук
и Академии российского телевидения,
доктор биологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий телепередачи «В мире животных» с 1977 года

От автора

Эта книга не могла бы быть написана без прямой или косвенной помощи других. Автор воспользовался или советами, или материалами видных зоологов Л.П. Астанина, Н.И. Бурчак-Абрамовича, Г.П. Дементьева, Н.Н. Ладыгиной-Котс, А.А. Машковцова, М.Ф. Нестурха, П.П. Смолина, В.А. Хахлова, этнографа С.А. Токарева, палеонтолога В.И. Громова. Принося своим коллегам благодарность, автор оговаривает, что он один несет ответственность за текст.

Автор с благодарностью отмечает также содействие своих зарубежных коллег Бернара Эвельманса (Бельгия), Айвена Сэндерсона (Шотландия, США), Джорджа Агоджино (США), Питера Бирна (США), Коррадо Джини (Италия), Ганса Петцша (Германская Демократическая Республика), Ринчена (Монгольская Народная Республика).

Любезно прочитали рукопись и поделились своими замечаниями мои давние сотрудники А.А. Шмаков, В.А. Телишева, Ж.И. Кофман, В.Л. Бианки, Т.Н. Дунаевская.

Огромное количество корреспондентов своими сообщениями сделали возможным это исследование.

Читатели, которые не имеют возможности знакомиться с пространными описательными материалами, могут ограничиться главами 1, 5, 11, 12, 13 и Заключением.

Б. Поршнев

Часть I
Обзор данных по некоторым географическим областям

Глава 1
Загадка «снежного человека»

Эту загадку на Западе часто называют иначе: «загадка доктора Эвельманса».

Бельгийский ученый, доктор зоологии Бернар Эвельманс занял особое место в ряду авторов, писавших о «снежном человеке». Дело не только в том, что он с такой полнотой, как никто другой, собрал имевшиеся у западных исследователей сведения о «снежном человеке» в Гималаях. Дело не только в том, что в статье «Да, снежный человек существует» (Heuvelmans B. Oui, l'homme-des-neiges existe // Science et Avenir. Paris,1958, № 134, Avril.) он впервые применил сравнительный и даже статистический метод обработки этих сведений, давший весьма убедительные результаты. Самое важное, что Эвельманс, будучи зоологом широкой эрудиции, показал полную возможность, вероятность такого открытия на современном уровне науки. Он поставил пробле-

му «снежного человека» на широкий фон истории зоологических открытий. Замечательная книга Эвельманса «По следам неизвестных животных» (Heuvelmans B. Sur la piste des bêtes ignorées. Paris, 1955, t. I–II; Heuvelmans B. On the Track of Unknown Animals. London, 1958.) посвящена доказательству тезиса, что период открытия новых видов животных далеко не закончился, как многие думают, что перед познанием животного мира земли еще открыты огромные перспективы. «Героический период зоологии», говорит Эвельманс, не завершен, исчерпано лишь открытие менее редких и легче наблюдаемых видов, а поэтому требуются новые методы и, так сказать, новая философия зоологии для обеспечения открытия остальных видов. Раньше зоология приступала к делу только с момента, когда в кабинет ученого поступали скелет, чучело или шкура животного. На «слухи», рассказы населения не обращали внимания. Позже, с развитием школы полевых зоологических исследований стали проводиться широкие маршрутные сборы всех попадающихся видов или же целенаправленные охоты за отдельными видами, но, как правило, уже более или менее известными. Во всяком случае, записи разнообразных сведений о «неизвестных животных», не отпрепарированных скальпелем ученого, не представленных в его коллекциях, оставались где-то за гранью науки. Почему? Разве эти сведения обязательно ложны, разве они не могут помочь зоологам?

Великий палеонтолог начала прошлого века Жорж Кювье

поступил опрометчиво, когда во введении к своему «Исследованию об ископаемых животных» заявил: «Надежда обнаружить новые виды больших четвероногих весьма невелика». Не успел он высказать эту мысль, как в 1819 г. его ученик Лиар прислал ему из Индии зарисовку неизвестного прежде чапрачного тапира. Зоологи думали, что тапир – специфически американское животное. Оказывается, они пренебрегли тем, что в старинных китайских словарях, в китайских и японских книгах по естествознанию встречались и описания и изображения чапрачного тапира. Но с него только началось опровержение самоуверенных слов Кювье. За последние 100–150 лет последовала целая серия открытий крупных животных. Так, о существовании крупнейшего в мире плотоядного, дальневосточного бурого медведя, западноевропейским ученым стало известно только в 1898 г., хотя, разумеется, камчатские, сахалинские, маньчжурские охотники рассказывали о нем немало. В 1900 г. впервые узнали и о существовании самого большого после африканского слона земного животного: белого носорога, достигающего до пяти метров длины, до двух метров высоты. В 1901 г. была открыта крупнейшая из обезьян – горный горилла, самцы которого достигают 2 м 70 см высоты. Рассказы же местных жителей об этих гигантах были известны давным-давно.

Слишком уверенные в своих познаниях и методах, зоологи считали до 1912 г., что дракон, о котором рассказывали жители о. Комодо, это миф, а он оказался действительной ги-

гантской ящерицей, при том самой большой из всех ящериц на земле. Общеизвестный пример – открытие окапи. Возьмем другой пример. Местные жители Родезии рассказывали о существовании какого-то хищника, которого они называли, если перевести буквально, «леопард-гиена», но европейская наука не признавала за этими рассказами никакой реальности, пока в 1926 г. не был открыт этот новый вид, получивший название «королевский гепард». Описавший его английский зоолог Покок замечает: «Удивительно, что такое большое и столь отличное от других типов животное так долго оставалось неизвестным». Нет, неудивительно, отвечает Эвельманс, так будет и впредь пока ученые будут сохранять привычку пренебрежительно, как к вздорным вымыслам, относиться к рассказам местных жителей, охотников, знатоков края.

Книга Эвельманса «По следам неизвестных животных» – суровый обвинительный приговор косности традиционной зоологии. Последняя признала, например, что так называемый бермудский буревестник был истреблен в начале XVII в., а совсем недавно, в 1951 г. свежие обитаемые гнезда этой птицы были обнаружены на одном из островов. И вот, опираясь на обоснованный многими примерами скепсис в отношении традиционной зоологии, Эвельманс составил обширный каталог и дал предварительные описания большого ряда удивительных зверей, птиц, обитателей морских просторов, о которых имеются предварительные данные и су-

ществование которых подлежит целенаправленной, организованной проверке. Открытие новых животных не должно быть случайностью, говорит Эвельманс. Мы еще не полностью изучили свою планету, многого не знаем о ней, во многих районах не бывали еще вовсе.

В книге «По следам неизвестных животных» большая глава посвящена сводке и анализу предварительных данных об удивительном высшем примате, обитающем в высокогорных районах Гималаев и получившем известность под именем «снежного человека». На таком широком фоне эта проблема сразу теряет характер чего-то исключительного. Она окружена параллелями и аналогиями, она выглядит больше как упрек зоологам, чем как повод для упреков со стороны зоологов.

И все же остается открытым вопрос: существует ли «снежный человек» и какие пути ведут к проверке и доказательству его существования?

По последнему пункту существующие мнения могут быть разделены на две группы. Подавляющее большинство людей думает, что загадка «снежного человека» будет разрешена каким-то единичным сенсационным актом. Кто-то его поймает или убьет, и с этого начнется наука об этом существе. Все предшествующее данному акту не имеет никакого научного значения. Другие же, представляющие меньшинство, но зато меньшинство, объединяющее едва ли не всех специалистов в этом вопросе, полагают, что поимка или умерщвле-

ние экземпляра сыграет свою роль в науке только в качестве экспериментальной проверки, завершающей целый большой этап предварительных исследований.

– Вы ловите «снежного человека», сидя за письменным столом, вы разыскиваете его в книгах и письмах, вы можете так топтаться на месте до бесконечности и, сколько бы вы ни собрали устных и литературных данных, это ни на шаг не приблизит вас к решению вопроса!

Так шутят скептики. Но еще легче опровергнуть и высмеять их представление об единичной сенсационной находке, которая якобы может решить большую, сложную научную проблему. Наука изведала на нескольких примерах бессилие искры при отсутствии бочки пороха. Сначала нужна обоснованная рабочая гипотеза, некоторая предварительная идея. Без этого надежда на сенсацию способна лишь повредить серьезному изучению проблемы «снежного человека». Она косвенно содействует рождению газетных уток, вызывает к жизни скороспелые экспедиции, естественно приводящие к разочарованиям, увлекает на поиски лиц, не имеющих специальной подготовки и знания вопроса.

Хочется сказать этим азартным людям: успокойтесь, «первого» не будет, хотя бы потому, что этих первых было уже много.

Нетерпеливые критики медлительности ученых и не подозревают, сколько раз в прошлом совершалось то, что они наивно считают венцом всего дела: увидеть своими глазами!

поймать! убить!

Ниже, в соответствующей главе будет рассказано, как, например, геолог и опытный охотник М.А.Стронин, в 1948 г. в Восточном Тянь-Шане целился, но так и не решился выстрелить в пробежавшее в 100 м от него странное существо. «Моя мысль в тот момент была занята только одним: человек это или медведь», – говорит геолог. Он ясно видел, что это и не то, и не другое. Если бы он имел представление о «снежном человеке», он, может быть, и выстрелил тогда…

Врач В.С. Карапетян в 1941 г. осматривал захвачанное в снежных горах обросшее волосами человекоподобное существо. Он не уделил ему тогда большого внимания. Но, говорит он, я семнадцать лет возвращался мыслью к вопросу, что же это было за существо, и вот только теперь, прочитав кое-что о «снежном человеке», начинаю думать, не пригодятся ли мои наблюдения тем ученым, которые этим вопросом занимаются. Если бы я хоть что-нибудь слышал тогда об этом вопросе!…

Советский офицер Г.Н. Калпашников в 1939 г., во время боев у реки Халхин-Гол осматривал трупы двух по ошибке убитых часовыми человекоподобных волосатых животных. «В то время я совершенно ничего не знал о «снежном человеке», и я и сейчас не утверждаю, что убитые существа были именно «снежными людьми». И я тогда задумался, как и другие, над тем – кто же это? Но в то время, в разгар боев, мы были по горло заняты военными делами, и нам было не

до изучения тех животных, которыми сейчас интересуются ученые».

Геолог Б.М. Здорик в 1934 г. в сопровождении проводника натолкнулся на Памире на спящее в высокой траве волосатое длинноногое животное, которое ни в коем случае не было медведем. От населения он кое-что услышал об этих существах, «в которых я только теперь узнаю некоторые черты «йе-ти», как их описывают шерпы (непальские горцы)». В те годы, говорит Б.М. Здорик, я ничего не слышал о гималайском «снежном человеке» и считал, что здесь, на Памире, все такие рассказы относятся частью к бродячим сумасшедшим, частью же представляют собой фантастический вымысел. Когда сам я встретился со зверем, похожим на «снежного человека», я просто не поверил ни своим глазам, ни рассказам местных жителей о существовании в горах человекоподобных диких существ.

В 1925 г. путешественник Томбози в Гималаях на расстоянии около 200 м видел человекоподобное животное, рассматривал оставленные им следы, но по его словам, «просто не в состоянии высказать какое-либо определенное мнение по этому поводу», так как «сказкам» носильщиков-шерпов о «снежном человеке» этот образованный господин, конечно, не мог придавать серьезного значения.

Можно было бы долго продолжать список аналогичных ситуаций. Но мы еще в свое время встретимся с ними. Пока это – лишь иллюстрации для методологической постановки

темы. Каждый раз, как видим, наблюдатели просто не знали что делать, не знали с чем связать и как объяснить свое наблюдение. Им оставалось прибегать к тем или иным пришедшим в голову, если можно так выразиться, самодельным объяснениям, или просто пребывать в недоумении.

Может быть, не было случаев поимки такого рода существ? Нет, ниже будут приведены и рассказы местных жителей о поимках, даже о приручении таких животных. Но вот, например, два сообщения высококультурных людей, в разное время и в разных местах лично натолкнувшихся на содержавшиеся в неволе у местных жителей особи и сообщивших о них интересные детали. Зоолог, охотник и писатель Н. Байков в сопровождении охотника Бабошина лет 35–40 тому назад в глухом таежном предгорье Маньчжурии в одинокой хижине охотника-маньчжура видел прирученного последним удивительнейшего человекоподобного зверя. Описание его было опубликовано Н. Байковым задолго до появления в печати каких-либо сообщений о «снежном человеке». В 1954 г. видный китайский историк проф. Хоу Вай-лу видел высоко в горах Циньлин-шань пойманного жителями и прирученного подобного же получеловека, не обладавшего никакой речью. Проф. Хоу Вай-лу не думает, что это существо – то же самое, что «снежный человек», но, по правде сказать, уважаемый китайский историк еще почти ничего не слышал о природе «снежного человека»… Как видим, оба наблюдателя пойманных экземпляров, не зная друг

о друге, не пришли ни к какому обобщению и каждый объяснял себе виденное как умел. И в этих случаях искра не вызвала никакого научного взрыва.

Главным препятствием к раскрытию загадки «снежного человека», по-видимому, служила разобщенность данных, которыми располагали отдельные наблюдатели и исследователи, работавшие в разных районах Азии. Столкнувшись с теми или иными сведениями об этом существе в каком-либо районе, они не подозревали о наличии таких же сведений в других районах, не имели материала для обобщений, не могли применить основного орудия науки – сравнения. И в результате их наблюдения погибали бесплодно. Только в самое последнее время кое-какие сообщения о «снежном человеке» стали широко известны. Теперь уже менее вероятно, чтобы какой-нибудь случайный наблюдатель, как было с геологом Б.М. Здориком, «не поверил своим глазам», не вспомнил о чем-то подобном. Но только сведение воедино большого числа наблюдений и свидетельств дает надежную почву для научных обобщений и выводов.

Так как человеческий рассудок ищет всему незнакомому хоть какое-нибудь объяснение, или по крайней мере наименование, все наблюдения, как правило, получали то или иное импровизированное или народно-традиционное истолкование. В немалом числе случаев дикие волосатые человекоподобные существа истолковывались как люди, одичавшие в результате долгого пребывания в одиночестве в горах или

пустынях Азии. То это были в устах рассказчиков и местных властей потомки тех, кто принужден был бежать и скрываться от религиозных преследований, то потомки изолированных от человеческого общества прокаженных, то потомки целых племен или родов, оттесненных соседями в неприступные горы, а подчас, в более примитивных вариантах, даже и не потомки – просто «одичавшие» и «обросшие волосами» преступники, скрывшиеся кулаки, сектанты и т. д. В других случаях выдвигается версия, что это – физическая или психическая патология, т. е. случаи ненормальности, атавизма, уродства, душевного заболевания. Наконец, в очень большом числе случаев наблюдения и сведения, касающиеся таких человекоподобных существ, относились и относятся к области сверхъестественного. Те, кто верят «в нечистую силу», полагают, что повстречались с ней, и связывают виденное с бытующими в народе преданиями, поверьями и легендами. Люди же образованные, но верящие в духов, относят все сообщения и рассказы такого рода к области фольклора, сколько бы ни клялся рассказчик в том, что он своими глазами видел это существо, или рассматривал его след, или слышал его крик. Если эти рассказы и стоит записывать и изучать, говорят нередко, то только этнографам-фольклористам, изучающим мифы и легенды о сверхъестественном, рожденные народной фантазией.

Так распадался до недавнего времени весь материал по разным рубрикам, ведомствам и дисциплинам.

Наука нуждается в сравнении. Научное изучение проблемы «снежного человека» началось лишь с того времени, как накопился некоторый сравнимый материал, правда, сначала только в рамках области Гималаев. Успешность применения сравнительного метода может быть показана на примере уже упоминавшейся статьи Б. Эвельманса, «Да, снежный человек существует». После критического обзора имевшихся в его распоряжении сообщений о встречах «снежного человека», автор подверг их количественной группировке. Вот некоторые из его выводов. В девяти из восемнадцати существенных сообщений указывается, что существо, о котором идет речь, напоминает человека; согласно семи сообщениям, оно скорее напоминает обезьяну; наконец, согласно двум сообщениям, оно похоже и на человека и на обезьяну. В тринадцати описаниях это существо выступает как двуногое; в трех – то как двуногое, то как передвигающееся и на четвереньках; в одном описании это существо двигалось только на четвереньках, но оно описывается как раз в тот момент, когда оно карабкается среди скал. В четырнадцати сообщениях отмечается волосяной покров на теле этого существа. В шести случаях подчеркивается, что на лице его шерсти нет. Точно так же Эвельманс группирует сообщения о цвете шерсти и ряде других признаков. Одни из них оказываются более константными, другие – более вариабильными. Но в общем, говорит Эвельманс, в восемнадцати свидетельствах нет противоречий в описании «снежного челове-

ка», большинство черт сходится, а некоторые отклонения не являются особенно значительными. Между тем, свидетельства эти в большинстве совершенно независимы друг от друга, исходят от людей, принадлежащих к разным национальностям, различных по уровню образования и т. д.

Мы не будем сейчас обсуждать этих выводов, полученных Эвельмансом. Пока они нужны нам лишь как иллюстрация сравнительного метода. Добавим, что столь же полезным оказалось и произведенное Эвельмансом расположение всех сведений в хронологической последовательности. Что касается топографической группировки данных, в частности, данных о наблюдениях следов в пределах Гималаев и Каракорума, то она была произведена в работах французского геолога проф. П. Борде и других авторов (Bordet P. Traces de yeti dans l'Himalaya // Bulletin Muséum Nat. d'histoire natur. 1956, v.27, p.433–439; idem, «La Montagne et alpinisme» 1956, 17, p. 206–209; Busson B., Leroy G. Les derniers secrets de la terre. Paris, 1955.).

Но все же пока шло собирание зарубежными исследованиями сведений только в области Гималаев и Каракорума, сравнение этих сведений между собой могло дать лишь ограниченную доказательность реальности «снежного человека», так как все же оставалась возможность предполагать какую-нибудь взаимную индуцированность сведений. Поэтому основным методом рассуждения осторожных авторов, например, С.В.Обручева, оставалась классификация сведе-

ний на «достоверные» и «недостоверные», что неизбежно связано с субъективным критерием. Не отвергая этого метода, как способного приносить ограниченную пользу, мы все же постарались найти объективные критерии путем расширения поля применения сравнительного метода,

В январе 1958 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по изучению вопроса о «снежном человеке». С 1959 г. она была преобразована в общественную научную организацию, объединяющую специалистов, а в Академии наук СССР одновременно продолжалась работа по концентрации и обобщению сведений по проблеме «снежного человека». На всех этих этапах автор настоящей книги в качестве сначала заместителя председателя, затем председателя Комиссии и руководителя соответствующей темы в Комиссии по охране природы АН СССР руководствовался мыслью о возможности значительно расширить поле применения сравнительного метода. С одной стороны, это были осторожные пробы проводить параллели с некоторыми выводами исследований по экологии ископаемых гоминид. С другой стороны и прежде всего, это было привлечение данных о существах, по описанию сходных со «снежным человеком», из других областей горной Азии.

Правда, в такой попытке имелся известный риск ошибки: сходное – не обязательно тождественное, даже не обязательно родственное. Но, кажется, сейчас уже можно считать эту опасность ошибки миновавшей. Путь оказался пло-

дотворным, приведшим к новому этапу в разработке проблемы «снежного человека». Когда в газете «Комсомольская правда» в июле 1958 г. появилась статья автора этих строк об аналогах «снежного человека», давно описанных на территории Монгольской Народной Республики под именем «алмасов», одна парижская газета заметила, что тем самым вопрос о «снежном человеке» впервые поставлен на научную почву. Поскольку догадка оправдалась, в огромной степени расширилось поле исследования. Это был прорыв с узко-ограниченного участка сбора научной информации, южных склонов Гималаев и прилегающих хребтов, на широкий «оперативный простор». Теперь в один ряд с данными по Гималаям, собранными Тильманом и Шиптоном, Стонором и Иззардом, Эвельмансом и Борде, встали данные многих других натуралистов, географов, краеведов, собранные в разное время в иных азиатских географических областях. Тем самым во много раз расширились возможности применения к ним сравнительного метода, а, следовательно, возросла и надежность его результатов.

Достаточно сказать, что если Эвельманс подверг сравнительному изучению 18 сообщений, мы сейчас располагаем более чем 1000. Значительная часть их опубликована в качестве сырого исходного материала для исследователей в форме небольших сборников: «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», под ред. Б.Ф.Поршнева и А.А. Шмакова» (вып.1–4, М.,

1958–1959. В дальнейшем всюду сокращенно обозначаются: ИМ.).

В предисловиях ко всем выпускам «Информационных материалов» составители неизменно отмечали, что ими включаются в эти сборники сообщения и документы весьма различной степени достоверности и независимо от оценки ими каждого в отдельности. Иначе говоря, это – как бы раскрытое для обозрения и использования досье о «снежном человеке» или свод всей первичной документации. Исследователи вправе подвергать эти материалы сомнению, критике, опровержению, но они впервые имеют перед глазами все, что так или иначе претендует на характер фактических сведений.

Четыре выпуска «Информационных материалов» – главный итог первых двух лет нашего исследования вопроса о «снежном человеке». Дальнейшие собранные материалы (готовы выпуски 5 и 6) еще ждут опубликования. Сборы свидетельских показаний и сообщений в пределах СССР производились в значительной степени благодаря помощи широкой советской печати, – активным откликам населения на появлявшиеся время от времени заметки о проблеме «снежного человека». Письма, поступавшие в редакции газет и журналов, концентрировались в Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». В них оказывалась подчас очень ценная информация, не дававшая основания думать, что она хотя бы косвенно внушена газетными заметками или слухами о поисках «снежного человека». Вообще же отличить немно-

гочисленные сообщения, действительно навеянные прессой и слухами, т. е. вымышленные, очень легко всякому специалисту: ведь изобретательность человеческого ума далеко не безгранична. Подавляющая масса корреспонденции, как и устных сообщений, свидетельствует о чувстве ответственности и долга, о полной незаинтересованности в опубликовании, в известности, вознаграждении. «Считаю своим долгом перед наукой сообщить…», «считаю своим гражданским долгом…», «может быть, мое скромное сообщение пригодится нашим ученым…» – так нередко мотивируют свой поступок авторы писем. Наряду с этим притоком добровольной информации Комиссия постепенно создала в ряде областей сеть корреспондентов из местных ученых, краеведов, охотников, производящих опросную работу среди населения. Их бескорыстная помощь существенно помогла ходу исследования. Наконец, опросная работа производилась и путем направления специальных экспедиций из центра в некоторые горные районы СССР. Что касается зарубежной информации, то Комиссия получала ее из ряда стран от специалистов, занимающихся исследованием проблемы «снежного человека». Их сотрудничество дало возможность делать наши сводки максимально полными.

Итак, были приложены все усилия к тому, чтобы свести до минимума роль индукции, т. е. внушения, подсказки при сборе сведений о «снежном человеке». Действительно, можно с уверенностью. сказать, что она ничтожна. Трудно бы-

ло бы также объяснить, зачем значительное число людей, не сговариваясь и не извлекая из этого никакой выгоды, вздумало бы обманывать горстку ученых или даже широкую общественность. Исходить из постулата о лживости всех людей, кроме разве себя самого, довольно безрассудно. При этом, если бы наши информаторы просто сочиняли (или, допустим, ошибались), их показания неминуемо разошлись бы между собой. Поскольку существенного расхождения нет, решающим контрольным фактом для определения проверки возможной роли индукции является обнаружение довольно большого числа старых записей и материалов, по большей части давно забытых, которые, как оказалось, не расходятся, а, напротив, в основном совпадают с современными.

Собранный информационный материал может быть подвергнут широкому сравнению и количественной (если не сказать статистической) обработке. На такой базе результаты сравнительного метода имеют довольно высокую степень доказательности.

Объективно доказательным является совпадение (хотя бы в основном) сведений, исходящих из очень далеких друг от друга территорий, от сильно разобщенных в культурном и языковом отношении народов; зафиксированных в разное историческое время и остававшихся забытыми; сообщенных, с одной стороны, представителями местного населения, с другой – лицами приезжими, не принадлежащими к местному населению и не успевшими получить сведении

от населения. Такие совпадения нельзя истолковать иначе, как доказательство того, что за этими сведениями лежит наблюдение объективно существующего явления природы. О том же говорит и соответствие подавляющей части этой устной информации имеющимся налицо, хотя бы и немногочисленным, вещественным данным (следы, кисть руки, волосы и др.), как и наличие в устной информации многих морфологических и экологических деталей, совершенно несущественных в глазах информаторов, но приобретающих явный биологический смысл при обобщении разнообразной информации зоологом. Важно также, что собранные устные сведения о наблюдениях «снежного человека», при всем своем многообразии, как правило, не опровергают друг друга, расхождение же отдельных деталей вполне укладывается в рамки биологических представлений о внутривидовых вариациях. При этом получаемое в конце концов исследователем представление о морфологии и биологии «снежного человека», как увидим, вполне рационально в глазах натуралиста.

Такова научная основа сильно возросшей уверенности в реальности «снежного человека».

Любое из сообщений, приведенных в «Информационных материалах», рассматриваемое по отдельности, может быть взято под сомнение скептиками, но, кажется, никто из прочитавших четыре выпуска подряд не смог предложить другого удовлетворительного объяснения единства и непротиворечивости этого материала, взятого в совокупности. Таким

образом, после пятилетнего периода ориентировки в смутной массе разнообразных сведений мы все более уверенно видим лежащий под ними твердый гранит факта.

Если биологическое истолкование проблемы «снежного человека» делает новые и новые успехи, то тем яснее видно фиаско попыток мифологического ее истолкования. Мысль о том, что все сообщения о «снежном человеке», «диком человеке» и т. п. относятся исключительно к области народной фантазии, противоречит прежде всего науке о мифологии и фольклоре. Надо очень плохо знать современное состояние этнографии и мифологии, чтобы думать, будто вопрос о народных поверьях – невспаханная полоса в науке. В наше время, во второй половине XX в., произвести крупное открытие в области народных поверий не менее трудно, чем в любой другой отрасли науки. Еще труднее – опрокинуть ее коренные общие положения, ее представления о культурно-этнических связях, о закономерностях распространения легендарных сюжетов и образов. Между тем тезис о том, что «снежный человек» представляет собою единый цикл легенд, распространенный среди множества народов Азии, принадлежащих к разным культурно-историческим, языковым, религиозным группам, цикл легенд, каким-то образом оставшийся «незамеченным» фольклористами, – этот тезис поистине означает переворот в фольклористике.

С другой стороны, против мифологической версии говорят и упомянутые реалистические результаты количествен-

ной обработки собранной массы первичной документации. Если речь идет о мифологическом образе, то чем больше мы наложим друг на друга записанных в разных географических районах рассказов, тем более будет под нашими руками расплываться и рассеиваться образ и в конце концов все признаки аннулируют друг друга. Обратная картина получается в данном случае. Казалось бы, например, что большое число указаний на встречи со «снежным человеком» в ночное время заставляет подозревать тут сходство с «нечистой силой». Но количественная обработка данных показала, что гораздо больше указаний на встречи в утренние и вечерние часы, при ничтожно малом числе указаний на дневные часы. Если бы речь шла о вымысле, не все ли равно каждому рассказчику, какое время суток указать, раз уже речь не идет о таинственной темноте ночи? Однако указывают как раз не на дневные часы, а на время хотя и хорошей освещенности, но примыкающее к ночи, что в глазах биолога свидетельствует о сумеречно-ночном цикле суточной активности данного вида животных, как и многих других крупных представителей горной фауны.

Вообще высокая степень конкретности и константности биологических признаков и свойств, получающаяся при обработке массового материала о «снежном человеке», служит едва ли опровержимым аргументом против мифологической версии.

Как могли бы мифы разных народов Азии совпасть в непо-

нятных самим рассказчикам анатомических и биологических деталях? А ведь описание «дикого человека», извлеченное, скажем, из рассказов казахов, вполне соответствует, за вычетом немногих расхождений, описаниям подобного существа, полученным от шерпов в Гималаях, от маньчжуров и монголов, от таджиков и киргизов, русский зоолог В.А. Хахлов в 1914 г. собрал на Тянь-Шане в сущности такие же самые данные, но только более полные и более точные, как и английский зоолог Чарльз Стонор сорок лет спустя, в 1954 г. в Гималаях. Достаточно было бы одного этого сопоставления, чтобы отбросить мифологическую версию. Впрочем, мы еще вернемся к ней в соответствующей главе.

Пока же достаточно сказать, что попытка объяснить наличную сумму сведений о «снежном человеке» («диком человеке» и т. п.) ссылкой на «лешего», «домового», «привидения» годится лишь для того, чтобы отмахнуться от проблемы. Какая польза науке, скажем, от предисловия, написанного антропологом Г.Ф. Дебецем в книге Ч. Стонора «Шерпы и снежный человек», если автор, сравнивая «йе-ти» и «лешего», игнорирует существование научной литературы и о том, и о другом вопросе? При этом записи народных легенд и поверий производятся этнографами с соблюдением определенных правил. Вместо использования всего этого, Г.Ф. Дебец всерьез ссылается на собственные туманные воспоминания: «Можно ли считать рассказы шерпов бесспорным свидетельством существования «йе-ти»? Нет, нельзя. Авто-

ру этих строк пришлось в 1929 г. побывать в верховьях реки Илима в Иркутской области. Теперь там проходит железная дорога, но тогда еще не было даже школы и буквально ни одного грамотного человека из числа местных уроженцев. Автору часто рассказывали там про лешего, причем с подробностями, не уступавшими рассказам шерпов о «йети»«(Стонор Ч. Шерпы и снежный человек. М., 1958, с. 11 (Предисловие). На таких доморощенных «мемуарах» науку строить нельзя. Кто может теперь проверить, что на самом деле слышал Г.Ф. Дебец – рассказы про лешего, или, допустим, про действительного аналога «йе-ти» или он слышал совсем другие рассказы в совсем другом месте?

Распространенная прежде в народе вера в «нечистую силу» объясняется невежеством. Но в плачевное положение попадают и те ученые, которые думают, что про конкретные формы этих верований науке ничего не ведомо, что, скажем, биолог может смело хозяйничать в фольклористике. Так, например, зоолог Н.К. Верещагин выносит вердикт: занести сведения о «снежном человеке по ведомству леших и ведьм (Верещагин Н. Миф о снежном человеке // Охота и охотничье хозяйство. 1960, № 5, с. 29.), – хотя он вовсе не специалист в этом ведомстве и поэтому не знает, что фольклористы не могут выполнить его приказ. Самих этих сведений и современного состояния вопроса о «снежном человеке» автор тоже не знает. Так, он критикует с точки зрения «современного уровня биологической науки» Стонора, Иззарда и

советских исследователей данного вопроса за якобы допускаемую ими возможность обитания примата в зоне вечных снегов и льдов, хотя как раз Стонор и Иззард уже полностью отвергли такое допущение в 1954 г. и сейчас ни один автор в мире его не придерживается. Н.К. Верещагин перепутал все без исключения местные наименования существ, подобных «снежному человеку», например, смешивая термин «алмас» с названием приключенческого кинофильма «Ущелье Аламасов», приводя какие-то не существующие в Монголии, Тибете, на Памире и Кавказе названия. Автор выдает за «достоверные» вымышленные сведения о каких-то группах, якобы искавших «снежного человека» летом 1959 г. в верховьях рек Самура и Судака и т. п. Словом, в статье «Миф о снежном человеке» нет ни крупицы знаний по рассматриваемому вопросу. Вот на такой почве и рождаются ссылки на «лешего». Трудно только понять, зачем серьезные ученые вдруг берутся писать по никогда не изучавшемуся ими вопросу.

Можно привести еще несколько примеров. На страницах украинского журнала «Наука и життя» выступал проф. И.Г. Пидопличко со статьями, посвященными «снежному человеку» и вопросам народной фантазий, причём статьи эти вызывают лишь один, все тот же вопрос: что побудило автора писать об этих двух совершенно не знакомых ему сюжетах? Географ проф. Э.М. Мурзаев опубликовал статью «Современный миф о снежном человеке» (Мурзаев Э.М. Современный миф о снежном человеке // Природа. М., 1961,

№ 4.). Почему «современный», спросит читатель? Мнение Э.М. Мурзаева, опирающегося на этнографа А.З. Розенфельд, состоит в том, что «снежный человек, гуль-бияван, ябалык-адам, аламас (sic!) – все это фольклорные герои одного ряда, связанного с медведем-оборотнем». Но в отличие от вышеназванных статей, сочинение Э.М. Мурзаева – не просто дилетантизм, но дезинформация: автор утверждает, что по просьбе «одного московского ученого» (имеется в виду Б.Ф. Поршнев) он во время экспедиции 1960 г. в Синьцзян, в горах Кунь-Луня и в других местах произвел «тщательный опрос» населения по поводу «снежного человека» и получил отрицательный результат. Участники же экспедиции сообщили нечто прямо противоположное. Самому Э.М. Мурзаеву пришлось написать, что участник экспедиции проф. Б.А. Федорович записал в свой полевой дневник рассказ одного жителя пос. Ташкурган, лично видевшего и описавшего труп «дикого человека». Может быть Э.М. Мурзаев не знает, что Б.А. Федорович передал эту запись, как и другую, в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», сообщив при этом, что начальник экспедиции Э.М. Мурзаев категорически запретил ему произвести проверку этих весьма реалистических данных путем назначения соответствующей премии. Далее, мимоходом Э.М. Мурзаев бросает фразу: «Некоторые охотники все же утверждали, что на границе Китая с Советским Союзом и Индией они встречали ябалык-адама. Он всегда одинок, не подпускает к се-

бе людей, кидает в них камнями». Пусть автор отделывается от этого шуткой. Но, как видно из статьи, эти утверждения местных жителей в точном и подлинном виде не записаны, как у Б.А. Федоровича, в полевом дневнике Э.М. Мурзаева. А ведь фольклористика и собирание мифов тоже требуют документации. Вот какие уродливые формы приобрела фольклорная версия борьбы со «снежным человеком»!

И все-таки вопрос о «снежном человеке» – еще не решенный вопрос современной науки. Все, что сделано, все изложенное в этой книге, – лишь поиски верного решения. Наша попытка систематического изложения и обобщения имеющихся данных должна рассматриваться как построение рабочей гипотезы. Мы находимся еще в самом начале пути к решению загадки. Собранный материал, как ни велик он по сравнению с вчерашним днем, по всей вероятности уже завтра будет выглядеть ничтожно малым.

Широкий обзор информации и применение к ней сравнительного метода – это на данном этапе путь, ведущий вперед. Этим путем и надо будет еще некоторое время идти дальше, одновременно переходя к опытам полевых исследований, пока еще мало методически обоснованных.

До поры до времени мы будем находиться в положении астронома Леверье, который в 1846 г. вычислил точку неба, где должна находиться планета Нептун, и ее размеры. Леверье писал: «Я вижу ее моими умственными очами, я ощущаю ее щупальцами математического анализа так ясно, как если

бы она находилась перед моими глазами…» Через две недели Галле обнаружил эту планету. Разница, однако, в том, что планету Нептун никто не наблюдал до предвычисления, а в наших руках – множество наблюдений, хотя еще и не приводивших к обобщению.

1961 год принес несколько попыток в зарубежной печати подвести обобщающие итоги всех предшествовавших исследований и сведений о «загадке доктора Эвельманса» – о загадке «снежного человека». Самой слабой из этих попыток является статья авторитетного французского антрополога проф. Анри Валлуа под названием «Что же мы можем сказать о йе-ти, взвесив все сообщения и факты?» (Vallois H.V. Récits et docunients bien pésees: Que savons-nous vraiment du yéti? // La Nature., 1961, décembre, p. 505–514.). Попытка основана не только на совершенно ничтожной информации, но в немалой мере и на недобросовестной дезинформации; во-первых, А. Валлуа оказал полное доверие материалам экспедиции Э. Хиллари, который ныне разоблачен специалистами как обманщик, сознательно пытавшийся ввести в заблуждение мировую науку; во-вторых, наши «Информационные материалы» известны А. Валлуа только в некорректном изложении первых двух выпусков неким Е. Шрейдером, при незнакомстве со следующими выпусками. Разве это можно назвать «хорошо взвешенной» информацией? Приходится признать эту статью проф. А. Валлуа стоящей вне науки. Значительно больший научный интерес представляет

статья виднейшего английского приматолога доктора Османа Хилла «Современное состояние проблемы «снежного человека»«(Osman Hill W.C. Abominable snowmen. The present position // Orix., 1961, v. 6, № 2, August, p. 86.). К сожалению, автор очень мало знает о советских исследованиях, зато важнейшие данные по Гималаям подвергнуты им осторожному вдумчивому анализу (см. ниже).

Несомненный интерес представляет книга английского зоолога Одетты Чернин (Tchernine O. The snowman and company. L., 1961.). Это серьезная сводка всех литературных данных, которые автору удалось собрать. Здесь немало новых материалов, относящихся к истории изучения вопроса. Автор, как и Осман Хилл, склоняется к признанию «снежного человека» биологической реальностью – неизвестным до сих пор видом высших приматов (сближаемым ею с орангутаном). Весьма интересны суждения автора о биогеографических условиях существования и расселения этого животного на обширнейших пространствах малообитаемых районов Азии и Америки. О. Чернин привлекла данные американских и советских специалистов, что значительно расширило ее научный кругозор. Однако советские исследования все же знакомы ей в очень малой степени, отчасти – по непроверенным слухам. Для широкого научного обобщения автору, ограниченному по-прежнему в подавляющей степени гималайскими сведениями, не хватило данных, уже имеющихся сегодня в других руках.

Первый научный труд такого рода был опубликован в 1961 г. известным американским биологом Айвеном Т. Сэндерсоном: «Противный снежный человек. Легенда оказалась былью. История о «суб-людях» пяти континентов от ледниковой эпохи до наших дней» (Sanderson Ivan T. Abominable Snowmen: Legend come to Life. The Story of Sub-Humans on Five Continents from Early Ice Age until Today. Philadelphia and New-York, 1961, p. 1–505. Bibliogr. p. 491–505.). Этот обширный и капитальный труд производит большое впечатление. Автор сделал здесь попытку обзора и систематизации огромного описательного, а также всего наличного вещественного материала по проблеме «снежного человека». Очень смело он отодвинул «классические» гималайские данные довольно далеко на задний план и не уделил им особенно много места. Весьма спорно, прав ли А. Сэндерсон, выдвинув на первый план данные по Канаде и Северной Америке, которым отведено шесть глав в начале книги, – но во всяком случае это объясняется не только тем, что автор – американец, а и сознательным желанием взорвать, если можно так выразиться, «гималае-центризм» в данной проблеме, взятой в целом. Автор решительно пошел по пути применения сравнительного метода. Приятно отметить, что в известном смысле толчок к этому был дан нашими исследованиями. Сам А. Сэндерсон отмечает: «Эта советская деятельность пролила совершенно новый свет на весь вопрос и подняла его в целом на такой высокий уровень, что западные науч-

ные круги были принуждены почти кардинальным образом изменить свою позицию по отношению к нему» (Sanderson I.T. Op. cit., p. 19; Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 68.). Речь здесь идет не только о широком раздвижении географических рамок исследования, широких параллелях и сравнениях, но и о смещении всей проблемы по биологическому существу от «антропоидов» к «гоминидам», о чем, впрочем, мы будем говорить значительно ниже, в соответствующих главах.

Появление солидной монографии А. Сэндерсона свидетельствует о новом этапе в развитии изучения проблемы «снежного человека». Наши разногласия с А. Сэндерсоном по некоторым вопросам будут отмечены дальше. Но мы бесспорно сходимся с ним в понимании основной задачи сегодняшнего дня: для того, чтобы можно было двигаться вперед, необходимо обобщить, синтезировать, систематизировать гигантский предварительный материал, имеющийся в наличии, и дать в распоряжение науки рабочую идею, осмысленную модель изучаемого объекта. Всякий, кто прочтет яркую и впечатляющую книгу А. Сэндерсона, почувствует дыхание этой новой стадии всей международной работы. Это переход от отрочества к юности, – ибо, пожалуй, понятие зрелости надо сохранить для следующего этапа, который сейчас уже легче предвидеть, чем год назад.

Настоящая книга автора этих строк была в основном закончена в июле 1960 г. Это свидетельствует о том, что острая необходимость такого обобщения была сознана нами с

А. Сэндерсоном более или менее одновременно. Пусть не говорят нам, что эти книги, отражающие лишь определенную ступень на пути к цели, могли бы и не появляться в печати, в ожидании, пока окончательная цель и полная ясность не будут достигнуты. Нет, наши книги – не только отражение сегодняшней ступени, но и необходимое условие перехода к завтрашней.

Глава 2
Со страниц древних книг

В одном из древнейших памятников письменности, в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше» III тысячелетия до н. э. (истоки которого восходят к IV тысячелетию до н. э.) мы находим описание странного человекоподобного существа, которое затем претерпевает чисто сказочное превращение из животного в человека и даже в друга царя Гильгамеша. Можно различить две независимые сюжетные линии, которые когда-то сплелись воедино, образовав причудливый миф. Одна линия – это повествование о бывшем рабе царя Гильгамеша по имени Энкиду, который во главе жителей Урука, возмутившихся против чего-то вроде «права первой ночи», присвоенного Гильгамешем, одолел последнего в единоборстве, стал его соправителем и принудил его обратить свою энергию на походы и подвиги. Вторая линия – это история о человекоподобном животном «Эа-бани» («дикий»), о хитроумном приручении его охотником и пастухами, об использовании его сначала для охраны стад, в качестве сторожевого животного, а затем и в качестве охотничьего животного – при походе Гильгамеша в кедровые леса Ливанских гор для истребления подобных ему человекоподобных животных. В окончательной версии одиозная фигура раба Энкиду исчезает, а другом Гильгамеша оказывается чудесно обретший

человеческий разум и красоту человекообразный зверь, на которого перенесено имя Энкиду.

Дело начинается с того, что некий пастух-охотник в долине Евфрата обнаруживает многократное появление на зверином водопое пришедшего в эти освоенные людьми места из степей и гор дикого человекоподобного животного: «Богиня Аруру создала Эа-бани… он не имеет одежды, все его тело покрыто волосами, что же до волос на голове, то они подобны женским, пряди их подобны снопам колосьев». Этот пришелец не общается с людьми, не имеет местожительства в этих краях. Вместе с газелями он питается растениями, вместе с животными он приходит на водопой. Из дальнейшего текста мы узнаем, что этот человеко-зверь вообще живет в каком-то тесном симбиозе со стадами диких травоядных: он сосет их молоко, бродит с ними по степям и горам, он умеет охранять их от львов, леопардов и волков, сражаясь с одними, укрощая других, то есть хорошо зная и умея использовать повадки хищников, наконец, он охраняет их и от человека – «я вырою ямы – он их засыплет, я поставляю ловушки – он их вырвет, из рук моих уводит зверье и тварь степную, – он мне не дает в степи трудиться!», жалуется своему отцу пастух-охотник. Этот «дикий человек» с волосатым телом не знает ничего человеческого: он никогда не стриг распущенные волосы и не облачался в одежды, он не умел есть хлеб и пить пиво, не имел человеческого разума и «понимания» (речи). Зато он несравним с человеком по быстроте бе-

га, «крепче костью», чем сам легендарный Гильгамеш, физическая сила его огромна. Неоднократно подчеркивается, что он вырос и развился среди зверей.

Для «экологии» этого существа важно многократное упоминание, что он явился «из гор», «порожден в горах», хотя встречаются также формулы вроде «он в степи родился, его горы взрастили», а также просто «порождение степи (пустыни)». Перечень окружавшей его фауны находим в стенаниях Гильгамеша по поводу его смерти: антилопа и онагр его воспитали, животные в степи и на дальних пастбищах; «да плачут медведи, гиены, барсы и тигры, козероги и рыси, львы и туры, олени и серны, скот и зверье степное… младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни!» Из дальнейшего развития сюжета можно заключить, что Эа-бани (Энкиду) – выходец из «гор Ливана», то есть из гор восточного Средиземноморья, проведший жизнь в этих горах и в Сирийской пустыне, прежде чем оказаться на берегах среднего или нижнего течения Евфрата.

Пастух-охотник, обнаруживший «дикого» (Эа-бани), пригнал домой свой скот – устрашенный, онемевший, лицом подобный мертвецу. Он рассказал отцу об этом существе, к которому даже «приближаться не смеет». Умудренный опытом отец решил оторвать Эа-бани от зверья и приручить его с помощью женщины-блудницы. Очевидно, здесь учитывался и давний отрыв «дикого человека» от себе подобных, оставшихся в горах, и шанс направить его половой инстинкт на

эволюционно близкое существо. После долгого подкарауливания у водопоя план был успешно осуществлен. Согласно эпосу, достаточно было семи суток пребывания с блудницей, чтобы произошло магическое превращение животного в человека. Но некоторые дальнейшие фрагменты, представляющиеся особенно древними, позволяют допустить, что некогда рассказывалось о долгом постепенном приручении. Его приучают к человеческой пище, он становится подобием сторожевой собаки при стадах пастухов: они могут спокойно спать, так как он способен не спать ночью и отгонять хищников. Долго ли пребывал он в этом положении – неизвестно. Дальнейшее поддающееся реконструкции реальное звено в эпосе – использование его царем Гильгамешем в походе в горы Ливана для истребления живущего там в кедровых лесах Хувавы (Хумбабы), рисующегося таким же самым человекоподобным животным. Подчеркивается, между прочим, необычайно громкий крик Хувавы в горах. Тут попутно мы и узнаем, что Энкиду (бывший «дикий человек») как у себя дома в лесах, обитаемых Хувавой. Старейшины напутствуют Гильгамеша: «Пускай идет пред тобою Энкиду, ходивший теми стезями и путями: знает он лесные проходы, все повадки Хувавы знает». И в уста самого Энкиду эпос вкладывает слова: «Ведомо, друг мой, в горах мне было, когда бродил со зверьем я вместе… Дороги не бойся, на меня положися, хорошо мне известно его жилище, и пути, по которым бродит Хувава». Хувава – это, конечно, собирательный, персо-

нифицированный образ. Герои похода убили не только Хуваву, но и «семь страхов», подобных или подчиненных ему, водившихся в том же лесу. Только благодаря одному прирученному индивиду удалось шумерским воинам разыскать в непроходимых лесах Ливанских гор несколько человекоподобных ужасных существ, истребление которых представлялось им священным долгом (Наряду с другими переводами, использованными нами, см.: Эпос о Гильгамеше. Перевод с аккадского И.М. Дьяконова, М. – Л., 1961.).

Таковы древнейшие сохранившиеся в памяти человечества и сросшиеся с мифами известия о волосатых людях-животных. Заметим пока лишь попутно, что эти известия указывают как раз на те горные районы Восточного Средиземноморья, где произведено столько важных палеоантропологических открытий, где найдены останки многих переходных форм от обезьянолюдей к людям современного физического типа, где ученые готовы видеть центр области превращения неандертальца в «человека разумного».

Не только описание, но и название Эа-бани привлекает внимание исследователя проблемы «снежного человека». Его название – в сущности то же самое, которое мы и сейчас, пять тысяч лет спустя, слышим у ирано-язычных народов, например, таджиков, для наименования существ, описываемых сходным образом: «биабани», «явони», «явои» и т. п.; тот же термин в разных вариантах (например, «биабан-гули», «гулэйбани») мы находим и у азербайджанцев.

Другая книга, принадлежащая к числу древнейших книг человечества, Библия, тоже содержит полустертые следы указаний на такие существа. Мы не будем приводить подробных цитат и комментариев, которые читатель может найти в специальной небольшой сводке ученого гебраиста раввина Йонах ибн Аарона, включеннной в упоминавшуюся уже книгу Айвена Сэндерсона. Эти существа выступают под названиями «гиборим», «сеирим», «шейдим», «некие волосатые», «разрушители», «могучие существа охоты» и др. Они отличаются от человека рыжим волосяным покровом тела, запахом, голосом. По словам Йонах ибн Аарона, составленный им физиологический образ этих «волосатых» свидетельствует, что это были гоминиды и, следовательно, они были способны к скрещиванию с людьми современного физического типа в случае достаточно близкого общения с ними. Как плоды такого скрещивания филологический анализ позволяет толковать, например, Исава и его сыновей. Вот сводное описание библейских «волосатых»: они имели длинные руки; их тело покрывали рыжие волосы, более темные на голове, чем ниже; ростом достигали 4,5 фута; ноги имели коротковатые, но вполне прямые; их локти, шея, ступня отличались необычной для человека шириной. Область их обитания была ограничена Синайским полуостровом, а также югом Египта. Во время пребывания евреев в Египте «волосатые» оказались каким-то образом тесно связанными с ними (вроде прирученных охотничьих животных?), при этом по-

хищая их детей, нападая на них, так что евреям приходилось от их обстрела швыряемыми камнями укрываться в ямы, прикрытые ветвями, или скрывать свое местожительство листьями и песком. Выселившись из Египта, евреи, по Библии, перешли к новому обращению, к расправе с «волосатыми». Йонах ибн Аарон убедительно доказывает, что в описание обряда принесения в жертву двух козлов, из которых один подлежал закланию, а другой – отпущению в пустыню, вкралось текстологическое и смысловое искажение: слово «сеирим» (наименование описываемых существ) было заменено словами «сеирей изим» (волосатые козлы), хотя домашний козел, конечно, не обитает в пустыне и не уйдет туда, сколько его ни отпускай с людскими грехами (Sanderson I.T. Op. cit., p. 378–382; Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 429.).

Древнегреческий автор Ктесий, бывший врачом при дворе персидского царя Артаксеркса (V в. до н. э.), в сочинении об Индии писал, что в горной части этой страны, следовательно, в Гималаях обитают человекоподобные дикие животные. От Ктесия это сообщение заимствовали другие античные натуралисты, а затем и позднейшие европейские авторы. Не интересно ли опять-таки, что сейчас, две с половиной тысячи лет спустя, именно в тех местах, в Гималайских горах идут поиски «йе-ти» – «снежного человека»? Видимо, не только от Ктесия знали античные натуралисты о подобных существах. На подиуме амфитеатра в Помпее нарисовано пять сцен боев диких зверей и в том числе – тигра с

обезьяноподобным и в то же время человекоподобным существом; предполагают, что это горилла, но высказывается и сомнение в возможности для обезьяны выдержать бой на арене цирка с тигром, в то время как остальные изображенные пары в этом смысле вполне ясны. Так или иначе, Плинию и некоторым другим античным писателям были известны сведения о каких-то человекоподобных животных, водящихся в горах Азии, которые едва ли могут быть отнесены к известным человекообразным обезьянам.

Некоторые представления античных авторов любопытным образом резюмированы в попавшейся нам на глаза статье о диких и одичавших людях, опубликованной в 1731 году в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях к Санкт-Петербургским Ведомостям». Там говорилось, что «прежде верили, будто кроме обыкновенных людей еще иной род диких людей имеется, которые по лесам бегают, сие свидетельствуют языческие басни о сатирах и сильванах. Древние оных почти так изображали, как нынешние живописцы дьявола малюют… Сии сатиры, как сказывают, больше в ямах и иных потаенных местах живут, а когда какую женщину поймают, оную, не сотворив с ней блуда, не отпустят (Гераклит Тирский). Равным же образом они и во всех их телесных движениях, а особливо в плясании, зело бесчинно поступают; но ничего не говорят. Из сих сатиров, как сказывают, многие находятся в Индии (Плиний)… Как Сулла с войны возвратился, которую он с Митридатом имел,

то привезли к нему такого же сатира, который близ Диррахма пойман был (Дополнения к Титу Ливию)».

У средневековых европейских путешественников по Азии имеется несколько упоминаний, то более фантастических, то вполне реалистических, о «диких людях», человекоподобных животных, обитающих в горах и нагорных пустынях. Так, Джиовани дель Плано Карпини, ездивший в середине XIII в. к монголам по поручению папы Иннокентия IV, в своей «Истории монголов» писал: «К югу от города Ханыла (видимо, современный Имиль, несколько к западу от оз. Кизилбаш) лежит большая пустыня, в которой, как утверждают, живут дикие (лесные) люди; они совсем не обладают никакой речью». Далее Плано Карпини передает неправдоподобные слухи об отсутствии суставов на ногах этих существ, умеющих однако очень быстро убегать, когда татары преследуют их, и якобы прижимающих к ранам траву, когда татары ранят их стрелами (ИМ, I, № 1).

Около 1396 г. немец (баварец) Иоганн Шильтбергер попал в плен к туркам, затем к Тимуру и проскитался в Азии свыше 30 лет, в том числе был подарен главе Золотой Орды хану Едигею, который находился в Монголии и Сибири. Это путешествие Штильбергер совершил состоя при претенденте на ханский престол в Золотой Орде Чекре, который после смерти Тимура (1405) скрывался временно при дворе персидского шаха Мирана, а затем отправился к хану Едигею. Наблюдения Шильтбергера о ставке Едигея относятся,

примерно, к 1410 г. «В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом ханском сыне по имени Чекра», – пишет Шильтбергер.

Вернувшись в Баварию в 1427 г., Шильтбергер написал свою известную «Книгу путешествий». Нас интересует в ней то место, где говорится о некоторых наблюдениях в «стране Сибирь», под которой, впрочем, может быть, Шильтбергер разумеет и Монголию. Дело в том, что, по его словам, «в стране этой находится гора, называемая Арбусс, простирающаяся на 32 дня ходьбы»; горы под таким же названием сейчас известны среди монголов у границ Юго-западной Гоби, но, может быть, речь идет, о Монгольском Алтае, «Живущие там люди считают, что за горой этой находится пустыня (очевидно, Гоби. – *Б.П.*), доходящая до оконечности света; никто не может также пройти через эту пустыню и жить в ней из-за обитающих там диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются в горах, питаясь листьями, и травой, и всем, чем придется. Владетель упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей – мужчину и женщину, которых поймали на горе, а также трех диких лошадей, которых там также словили; лошади же, живущие в этих горах, величиною с осла; водится там также много животных, которые в немецких землях не

попадаются и которых я не могу назвать по имени…» (ИМ, I, № 2.).

Очень важным контрольным моментом в этом рассказе служит упоминание о поимке диких лошадей, отличающихся небольшим размером. По-видимому, перед нами первое упоминание в европейской литературе о так называемой лошади Пржевальского. Достоверность существования этого животного как бы косвенно подтверждает и сообщение об обитающих в горах и лично виденных Шильтбергером в качестве подарков, поднесенных хану Едигею, диких волосатых человекоподобных животных.

В Центральной Азии, действительно, народная молва с древней поры хранит уверенность в существовании там «диких людей, наряду с такими не вызывающими у зоологов сомнения животными, как дикие лошади или дикие верблюды. Об этом мы узнаем, например, из текста киргизского народного эпоса «Манас», сложенного в середине IX в. и бережно передававшегося из уст в уста несчетными поколениями. Согласно эпосу войска Манаса вышли из Минусинских степей, переправились через реки Орхон и Иртыш и направились в Китай. Интересно отметить, что в северной части Синьцзяна ныне есть река и город, которые носят название Манас. Так вот, в пути Манас обращается к своим дружинникам со словами:

А известно ли вам, что есть

Чудеса, которых не счесть,
На том великом пути,
Что нам еще предстоит?…
Кто о диком верблюде слыхал?
Кто о том, что есть дикие люди, слыхал?

(Перевод С. Липкина; ИМ, III, № 76)

Не только устное творчество, но и многочисленные памятники письменности в Китае и Монголии, как и у других народов Азии, содержат древние сведения о человекообразных диких существах. Работа по собиранию этих сведений едва только начата. Мы располагаем пока разрозненными указаниями, например, знатоков древнекитайских сочинений и хроник. Так, в статье китайских ученых Пэй Вэнь-чуна, У Лю-кана и Чжо Мин-цына «Загадка снежного человека», которая была опубликована в феврале 1958 г. в газете «Гуанминь жибао», авторы сообщали, что в китайских народных рассказах, восходящих к глубокой древности, говорилось об обитании на юге Китая существа, похожего на «снежного человека». В нескольких древнекитайских книгах, цитируемых авторами, рассказывается о «диком человеке». Хотя авторы высказывают предположение, не имеется ли здесь в виду горилла, они приводят из этих древних книг не только такие черты, как лицо и форма тела, похожие на человека, длинный разрез рта, наличие на теле темной шерсти, но и совсем неожиданную деталь, повторяемую в нескольких древних свидетельствах: при встрече с челове-

ком эти существа якобы, закрывая глаза, улыбаются или даже смеются. Они предпочитают горные ущелья, где иногда переворачивают камни, под которыми находятся крабы.

Следует отметить, что в одном из писем в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» проф. Пэй Вэнь-чун снова подчеркнул, что китайские специалисты в настоящее время располагают обильными сведениями из различных китайских древних памятников о «снежном человеке», «диком человеке» или «человеко-медведе», причем эти древние сведения схожи с современными рассказами населения; описания носят то более реалистический, то более фантастический характер.

Советский специалист Р.Ф. Итс, изучавший коллекции старинных китайских манускриптов и книг в Ленинграде, со своей стороны сообщил, что в этих летописях, хрониках и книгах он обнаружил немалое число упоминаний о существах, которые могут быть сближены со «снежным человеком».

В очень древней китайской книге писателя Гань Бао «Соу шэнь цзи» (III в. н. э.) записано пространное предание о такого рода существах, начинающееся словами: «В царстве Шу (территория современной провинции Сычуань. – *Б.П.*), в высоких горах Юго-запада, обитает существо, напоминающее обезьяну. Ростом оно в семь чи (чи – 0,32 м. – *Б.П.*). Может совершать те же действия, что и человек. Любит преследовать людей. Его называют Цзяго или Махуа; известно оно

также под названием Цюэюань» (перевод М.Ф. Софронова) (ИМ, III, № 75).

Известный тибетолог проф. Ю.Н. Рерих любезно сообщил нам следующие выписки из старотибетских книг. Из «Хождения Чаглоцавы тибетского в Индию» (начало XIII в.): «На пути из Центрального Тибета в Индию мне пришлось продолжать свой путь без спутников; хотя ми-гё (дикие люди) и были многочисленны, никакие разбойники меня ни разу не тронули» (ИМ, III, № 77). В «Житии Шестого далай-ламы» (1683–1705) имеется рассказ о том, как он однажды, путешествуя по области Кон-по, заметил издалека два человекоподобных существа, покрытых густой шерстью. Спутник ламы хотя и был силен, но по молодости лет упал в обморок от испуга. Лама остался стоять и наблюдал за обоими существами. Существа эти перешли реку и, собрав в охапку все ветки с двух средней величины хвойных деревьев, снова перешли реку. Лама поднял своего спутника, и они бежали, причем существа бросились за ними. Ламе и его спутнику удалось укрыться в одном отшельничестве. Отшельники сказали им, что существа эти были «ми-трэ» («митэ») (ИМ, III, № 78).

Проф. д-р Ринчен из Улан-Батора (МНР) сообщает нам: «В коллекциях покойного д-ра Жамцарано была рукопись одного бурятского монаха, совершившего путешествие в Тибет и Индию в XIX в., в которой упоминалось, что в горах Гималаев он видел диких волосатых людей, так что это бу-

дет первое письменное сообщение о гималайском снежном человеке, причем монах этот упоминал и об обезьянах, отличая их от волосатых людей» (ИМ, I, № 6).

Но вернемся к более ранним рукописным свидетельствам. Высказывается предположение, что в древнеиндийском трактате «Чжю-ши» («Четверокнижие»), содержавшем основы медицинских знаний, могли быть указания об использовании внутренних органов «дикого человека». Предположение это основано пока лишь на том, что в более поздних тибетских и монгольских медицинских книгах читатель отсылается за более подробными сведениями по данному вопросу к тибетскому медицинскому толкованию на это древнее «Чжю-ши», написанному в X–XI вв. и известному под названием «Лхэн-Таб». К сожалению, соответствующие сведения из «Лхэн-Таб» пока еще не извлечены. Но зато опирающиеся на него ксилографические книги XVIII и XIX вв., печатавшиеся в Пекине и Улан-Баторе, найдены в ленинградских и уланбатороких коллекциях и использованы исследователями вопроса о «снежном человеке» как в СССР, так и за рубежом (Поршнев Б.Ф. Два открытия или одно? // Знание-сила. М., 1960, № 2, с. 18–21, с. 206–209; Vlček E. Old literary evidence for the existence of «snow man» in Tibet and Mongolia // Man. London, 1959, v. LIX (59?), august.). В «Атласе естественных наук», напечатанном в XVIII в., мы находим изображения употребляемых для изготовления разных лекарств растений и животных, так же как и рисунки

медицинских инструментов. Нарисованные растения и животные реально существуют в Центральной Азии. Написанные рядом с рисунком тибетские и монгольские названия соответствуют современным. Изображения отличаются сходством с натурой, хотя и выполнены стилизовано. Среди них, около изображений обезьян (макака и лангура), находится рисунок, представляющий двуногое человекоподобное существо, стоящее на камнях (важное для зоолога отличие от находящегося рядом изображения макака на ветке дерева), а также выглядывающую из скал физиономию другого; может быть, это самец и самка. Надписи гласят, что это животное называется по-тибетски «ми-гё» (дикий человек), по-монгольски – «хун-гурэсу» (человек-зверь). Можно ли думать, что этот рисунок сделан с натуры? Появлению книг-ксилографов исторически предшествовали рукописи, поэтому можно предположить, что рисунки в данной книге – не оригиналы, а перерисовки с более древней рукописи. Но все рисунки оставляют впечатление отчетливого знакомства художника с объектом.

Ниже мы еще вернемся к вопросу об этом изображении, но сейчас стоит напомнить поучительную ошибку по поводу чапрачного тапира, допущенную европейскими зоологами как раз потому, что они пренебрегли его изображениями в древнекитайских книгах.

В более позднем медицинском атласе, изготовленном около ста или более лет спустя (XIX в.), художник уже не об-

наруживает знакомства с данным изображаемым животным; отражая, очевидно воздействие народных или ламаистских легенд, он придает этому существу облик скорее демона, злого человекообразного духа чем дикого животного. Но зато тут к иллюстрации приложен очень любопытный текст: «Ми-гё, обитающий в высоких горах, вид медведя, имеющий облик человека. Отличается чрезвычайно большой физической силой». Далее следуют указания к медицинскому использованию его мяса и органов (ИМ, III, № 81, 82).

Внимание исследователя не может не привлечь противоречие между утверждением, что перед нами «вид медведя», и изображением, не имеющим ни малейшего сходства с медведем. Параллели к этому странному противоречию замечены историками древнекитайского искусства: под одним рисунком на камне ханьской эпохи, ясно изображающем стоящее на двух ногах волосатое человекоподобное существо, стоит подпись «Охота на медведя». Точно так же на серии других рисунков, относящихся к этому традиционному сюжету «охота на медведя», медведь был изображен более похожим на человека, во всяком случае стоящим вертикально. Как не связать этой древней литературной и художественной загадки с весьма распространенным в Китае современным наименованием «человек-медведь», вносящим большую путаницу в умы исследователей, так как оно применяется и к обыкновенному бурому медведю (Ursus arctos), и к существам, описываемым как «дикие люди». Древняя фольклор-

ная традиция, прикрывшая этих последних словом «медведь», оказывается тут несомненным затруднением на пути зоологического исследования.

И все же не только страницы старинных рукописей и книг, но и изустные предания хранят много известий, которые в дальнейшем, наверное, будут использованы так или иначе будущими исследователями истории знакомства человечества с животным видом, именуемым сейчас «снежным человеком». Так, среди народа лепча в юго-восточной части Непала Ч. Стонор записал такое предание, передаваемое давным-давно из поколения в поколение. «В наших горах издавна водилось животное, известное нашим предкам как тхлох-мунг, что на нашем языке значит «горный дикарь». Хитрость и свирепость тхлох-мунга были столь велики, что он считался достойным противником каждому, кто с ним повстречается. Наших охотников лепча, с их луками и стрелами, он всегда мог перехитрить. Говорили, что тхлох-мунг живет в одиночку или с очень немногими ему подобными; иногда он ходил по земле, а иногда и лазил по деревьям. Встречался он только в самых высоких горах нашей страны. Хотя тхлох-мунг очень походил на человека, тело его покрывали длинные темные волосы; он был гораздо умнее обезьяны и крупнее ее по своим размерам… Люди размножались, вырубались леса, исчезала глухомань. Исчез и тхлох-мунг. Но многие говорят, что это существо встречается еще в горах Непала, далеко на западе, где племя шерпов называет его

«йети» (ИМ, I, с. 26–27.). У других племен Непала Стонор слышал сходные предания. «Много поколений назад, «пожалуй, 30, а может быть и 70, точно никто не знает», это существо жило в горах, неподалеку от деревушки. Но с ростом населения зверь вымер или покинул эти места. Предполагают, что он живет теперь где-то далеко на севере, в стране шерпов» (Ibidem, с. 23.).

А вот запись, произведенная в XVII в. в горных районах южного Китая одним из видных ученых-эрудитов того времени, немецким естествоиспытателем Атанасиусом Кирхером (1601–1680). Кирхеру принадлежит ряд работ по физике, математике, он был одним из инициаторов первой магнитной съемки в мировом масштабе около 1637 г. В Риме до сих пор хранится коллекция предметов естественной истории, физических и математических инструментов Кирхера. Но, будучи натуралистом, он занимался также историей и археологией Италии, историей Египта, преподавал восточные языки. В 1667 г. в Амстердаме вышла его книга о путешествии в Южный Китай содержащая всестороннее описание этой страны. В главе VII, посвященной фауне Китая, представляющей ценность еще и сейчас (например, там содержится описание исчезнувших к нынешнему времени в тех местах слонов и т. п.), есть такой параграф: «Лесные люди». «Обнаружено, – пишет тут Кирхер, – что в горах провинции Фуцзянь встречается волосатое животное, подобное «персидскому человеку» (homo persus); равным образом со-

общают, что в провинциях Юньнань и Хунань встречается антропоморфное существо, именуемое «фет», с более длинными, чем у человека, руками темным и волосатым телом, бегающее очень быстро, антропофаг, при встрече с человеком существо это подает голос, подобный человеческому смеху, а затем набрасывается на встречного. Патер Генрих Рот – продолжает Кирхер – рассказывал мне, что в то время, когда он был в Агре, царю Моголов было доставлено подобное чудище, которое называли «лесным человеком» (homo silvestris)». Из дальнейшего текста можно предположить, что миссионер Генрих Рот наблюдал упомянутое существо в 1660 г. в г. Агре во время необычайной процессии различных искусно дрессированных животных, подаренных Великому Моголу Аурангзебу одним из индийских князей.

Атанасиус Кирхер делает любопытное естественно-научное заключение по поводу собранных им сведений: «Я, сведущий в различных историях, думаю, что существа эти должны быть причислены к некоему виду диких огромных обезьян, ибо у них и тело волосатое, и улыбка показывает, как у обезьяны, сморщенный узкий лоб, приплюснутый нос и оскаленные зубы, когда же существа эти раздражены или ранены, то издают своим голосом шипящие звуки» (ИМ, IV, № 126).

Несомненно, все приведенные выше старинные свидетельства, касающиеся существования в горной Азии дико-

го человекоподобного животного, очень фрагментарны. Эта глава истории вопроса о «снежном человеке» еще должна быть когда-либо систематически и связно написана. Пока же перечисленные штрихи могут лишь засвидетельствовать древность знаний человечества об этом существе, однако знаний разрозненных, нередко вплетенных в эпос, фольклор, жития святых, т. е. знаний еще в полном смысле слова до-научных.

Мы даже не пытаемся здесь охватить эпос и древнюю литературу всех областей Азии, где подобные разрозненные сведения могут быть и несомненно будут собраны. В частности, мы пока оставили совершенно в стороне упоминания такого же существа в древней арабской и персидской литературе. Но обследование комплекса арабско-персидских древних письменных памятников – дело будущего. Пока отметим лишь, что существа эти выступают тут преимущественно под именем «дивов» или «дэвов», что весьма затрудняет размежеваное элементов мифологических (ибо «дивы» – это несомненные мифологические существа, духи) от обильных реалистических элементов, которые могут быть признаны отражением действительности – интересующего нас «дикого человека». Рассказы такого рода восходят к пехлевийскому эпосу. Их позднюю литературную обработку мы находим в «Шах-Намэ» Фирдоуси. Исследователь может обнаружить биологическую реальность в различных эпизодах, связанных с «дивами» также и в других классических произве-

дениях восточной литературы: в «Искандер-Намэ» Низами, в «Давиде Сасунском».

А сейчас остается в заключение главы вернуться в Европу и сказать об одной старой книге, которая в данном вопросе является своего рода рубежом между донаучным и научным периодами. Это – вышедшая первым изданием в 1735 г. «Система природы» великого шведского ученого Карла Линнея.

Линней – медик и естествоиспытатель. С 1739 г. он был президентом шведской Академии наук. Созданная Линнеем система классификации растительного и животного мира завершила огромный предшествующий труд ботаников и зоологов. Выдающимся достоинством этой классификации являлось то обстоятельство, что в ней человек был включен в систему животного царства и отнесен к классу млекопитающих, к отряду приматов. При этом по своему мировоззрению Линней был еще противником идеи исторического развития органического мира. Он считал, что число видов остается в общем постоянным со времени «сотворения мира» и что задачей систематики является раскрытие извечно установленного порядка в природе.

Правда, огромный биологический опыт Линнея к концу жизни несколько поколебал это представление о неизменяемости природы и он в осторожной форме уже стал высказывать предположение, что, может быть, все виды каждого рода разветвились из первоначального единого вида, а некоторые новые виды образовались путем скрещения прежних.

Это отступление от метафизического представления о неизменности видов, унаследованного от средневекового понимания природы, было знаменательным шагом, но все же для «Системы природы» Линнея, выдержавшей при его жизни 12 изданий, каждый раз перерабатывавшихся, осталось характерным другое: виды животных и растений в его глазах стоят не друг после друга, а рядом друг с другом. Обоснованием классификационных групп служит сходство. Вот почему для Линнея было очень важно расположить человека среди возможно более сходных с ним видов. Иными словами, материалистическая тенденция здесь проявилась не в идее происхождения человека от обезьяны через промежуточные эволюционные формы, а в выделении таких разновидностей и видов, которые как бы перекидывают классификационный мостик между человеком и обезьяной.

Именно поэтому Линней выделил в особую разновидность Homo ferus, т. е. детей, воспитанных животными вне человеческого общества и утративших, как он полагал, некоторые видовые человеческие признаки. Но это еще далеко не могло бы сцементировать дерзкого включения человека в систему классификации животных. И вот Линней, по-своему будучи логичным, находит возможным составить род «Человек» (Homo) из двух видов: «Человек разумный» (Homo sapiens) и «Человек пещерный» (Homo troglodytes), он же «человек ночной», «сатир» и т. п.

Впоследствии выяснилось, что к описанию вида «ночной

человек» Линней привлек немало и таких данных, которые в действительности относятся к человекообразным обезьянам, а также и к мифологическим существам. Когда человекообразные обезьяны были открыты и изучены, зоологи отбросили эту как будто опустевшую графу линнеевской классификации, они лишь применили употреблявшиеся тут термины troglodytes – к шимпанзе, satyrus – к орангутану. Отмерла понемногу и теоретическая потребность в таком связующем звене, поскольку были найдены другие, ископаемые.

Но неужели чутье натуралиста полностью обмануло Линнея в этом случае? Чем больше мы вчитываемся в его данные, тем яснее ощущаем, что из описания «Homo troglodytes» не все без остатка разнесено зоологами по другим рубрикам. Несомненно также, что уверенность Линнея базировалась на большем числе сведений, чем он процитировал. Приведем хотя бы одно соображение. В своей характеристике «ночного человека» Линней не ссылается на использованное выше описание, сделанное за 70 лет до него Кирхером. Это кажется поразительным, принимая во внимание не только огромную эрудицию Линнея, привлечение им в данном вопросе и второстепенных авторов, но и то, что Линней работал и опубликовал «Систему природы» в Голландии, где была напечатана и книга Кирхера о путешествии в Китай. Линней просто не мог бы не знать из нее глав о флоре и фауне. Разгадка, может быть, кроется в том, что протестант Линней предпочел прямо не ссылаться на членов ор-

дена иезуитов, какими были Атанасиус Кирхер или Генрих Рот. Но некоторые сходные места, например, параллельные рассуждения о детях, выращенных животными, позволяют утверждать, что Линней, конечно, знал книгу Кирхера.

У зоологов существует незыблемый обычай: новому открытому виду дается то латинское наименование, которое было предложено первым, все равно, удачно ли оно указывает видовой признак, или даже вовсе ошибочно; вполне достаточно, если при этом была сделана хотя бы попытка дать описание. В крайнем случае может быть изменено первое слово, т. е. родовое имя. Пока указанным условиям вполне отвечает попытка Линнея, подводящая черту под древними неясными знаниями о «снежном человеке». Отсюда начинается уже история науки.

Хотя идея Линнея и была надолго забыта, данному виду, очевидно, может быть присвоено научное зоологическое наименование Homo troglodytes Linnaeus.

Если же искать нового описательного названия, наиболее подходящим было бы, как увидим ниже, Homo (или Pithecanthropos) alalus velus.

Глава 3
Успехи и поражения отечественных ученых

Наука делает только те открытия, до которых она дозрела. Замечательный русский путешественник по Центральной Азии Н.М. Пржевальский был вполне на уровне зоологии своего времени. Он совершил в 70–80 гг. XIX в. множество замечательных открытий, в том числе и в области зоологии. Но вспомним, что в то время крупнейшие авторитеты признавали неандертальские черепа принадлежащими патологическим современным субъектам, яванский питекантроп еще не был найден. С другой стороны, вспомним, что горный горилла был открыт только в 1901 г. Науки о происхождении человека в сущности еще не было. Даже теория Дарвина в целом едва только начала распространяться. В этих условиях станет понятным, что Н.М. Пржевальский, хотя, судя по некоторым данным, был у порога открытия «снежного человека», все же не сделал этого открытия.

Изучение печатного и архивного наследства Пржевальского позволяет допустить, что во время своих путешествий по Центральной Азии он располагал некоторым комплексом сведений о «диком человеке», которые он сам однако не счел отвечающими реальности, настойчиво подыскивая им вся-

кие, с его точки зрения более реалистические истолкования.

Таковы, прежде всего, полученные во время первого центрально-азиатского путешествия в 1872 г. в китайской провинции Ганьсу сведения об обитании в горах Нан-шань «хун-гурэсу» (человеко-зверя).

Вот отрывок из книги об этом первом путешествии – «Монголия и страна тангутов». «Еще ранее прихода нашего в Ганьсу мы слышали от монголов о каком-то необыкновенном звере, который водится в названной провинции и называется хун-гуресу, то есть «человек-зверь». Рассказчики уверяли нас, что это животное имеет плоское совершенно человеческое лицо и ходит большей частью на двух ногах; тело у него покрыто густой черной шерстью, и лапы вооружены огромными когтями. Сила зверя страшная; на него не только не решаются нападать охотники, но даже жители укочевывают из тех мест, где появляется хун-гуресу.

Подобные рассказы мы услышали и в самой Ганьсу от тангутов, которые единогласно уверяли, что вышеописанный зверь водится в их горах, хотя и очень редок. На наш вопрос: не медведь ли это? рассказчики отрицательно трясли головой, говоря, что медведя они знают хорошо.

Придя летом в 1872 г. в горы Ганьсу, мы объявили награду в 5 лан тому, что укажет нам местопребывание легендарного хун-гуресу. Однако с подобным известием никто не являлся; только тангут, временно находившийся при нас, сообщил, что хун-гуресу постоянно живут в скалах горы Гад-

жур, куда мы отправились в начале августа. Но в заповедных скалах мы не нашли удивительного зверя и уже отчаивались когда-либо увидеть его, как вдруг я узнал, что в небольшой кумирне, верстах в 15 от Чертынтона, находится шкура хун-гуресу. Через несколько дней я отправился в эту кумирню и, сделав ее настоятелю подарок, просил показать мне редкую шкуру. Просьба моя была исполнена, но, увы вместо чудовища я увидел набитую соломой шкуру небольшого медведя. Все рассказы о хун-гуресу теперь стали басней, да и сами рассказчики, после моего уверения, что это медведь, начали говорить, что хун-гуресу не показывается людям, но охотники иногда видят только его следы.

Медведь, шкура которого была мне показана, имел в стоячем положении 4,5 фута (1,37 м) вышины. Морда была вытянутая, голова и вся передняя часть тела грязно-белого цвета, зад темнее, а ноги почти черные… К сожалению, я не мог сделать более подробных измерений и описаний, чтобы не возбудить подозрения (?).

Весной следующего года нам привелось увидеть такого же медведя и на воле…

По словам монголов, эти медведи в значительном числе обитают в тибетских хребтах Бурхан-Будда и Шуга, живут они здесь в скалах, но летом выходят на равнины и являются даже на берега Мурусу» (ИМ, I, № 3.).

Многое удивляет в этом рассказе Пржевальского. И прежде всего – как-то незамеченное им явное противоречие

между утверждениями жителей, что медведя (пищухоеда) они хорошо знают, их осведомленностью о местах, где он обитает и странствует, и его выводом, что они же принимали шкуру такого медведя за шкуру «хун-гуресу», которого описывали совсем иначе. Остается впечатление, что Пржевальский поспешил успокоить себя первым же подвернувшимся объяснением. Этот обычно достаточно предусмотрительный путешественник и не подумал, что хранящаяся в кумирне шкура этого существа может иметь ритуальное значение и настоятель постарается не показать ее, при этом рассчитывая на неосведомленность русского путешественника в зверях.

Наш скепсис в отношении приведенного отрывка из печатного отчета Пржевальского еще более возрос, когда в его черновых дневниках, хранящихся в архиве Всероссийского Географического Общества, была В.Л. Бианки найдена подлинная запись того места, где речь идет о «хуы-гурэсу». Эта запись заставляет считать, что в печатном тексте Пржевальский сильно преувеличил свои усилия проверить подлинность «хун-гурэсу». Вот она.

Август 1872 г. «Перешли в верхние части Северного хребта и остановились возле скал Гаджур, самых высоких и диких во всем хребте. Палатка наша стоит теперь на высоте 12 т.ф. Место прегадкое – сырое, неровное, но зато отсюда удобно ходить на охоту и экскурсии. В скалах, по единогласному заверению тангутов, живут хун-гурэсу.

…Девятый день идет проклятый дождь… Еще семь дней,

всего шестнадцать дней сряду идет дождь, почти не переставая… Ходить решительно невозможно ни на охоту, ни на экскурсии. Поневоле сидишь сложа руки.

Этот хребет (Северный хребет гор Нань-шань. – *Б.П.*) подобно Южному ограждает течение реки Тэтунг-газ, но только с северней стороны… Этот хребет гораздо менее скалист, нежели южный. Здесь самая скалистая группа есть гора Гаджур, лежащая в 25 верстах к востоку от кумирни Чертынтон. В западной окраине этой горы среди громадных скал лежат два озерка, образованные из горных ключей. Наибольшее из этих озер называется Демчук… Озеро считается святым, и здесь совершается ежегодно богослужение ламами из кумирни Чертынтон. (На таких ежегодных богослужениях, согласно другим сообщениям, в ритуальных целях как раз и используются шкуры «снежного человека». – *Б.П.*). Кроме того, сюда часто приходят тангуты, чтобы молиться. На этом озере не так давно один гэген проживал семь лет в пещере, имея с собою только прислужника, – того самого тангута, который был у нас проводником в горы Гаджур.

…Относительно зверей можно сказать, что их мало как в Северном, так и в Южном хребтах. Главною причиной этому служит, вероятно, множество охотников… Из крупных зверей, кроме тарбаганов и косули, водятся те же самые, что и в Алашаньских горах: олень, куку-яман, кабарга и волки. Кроме того, говорят, есть, но очень редко, медведи, барсы и баснословный хун-гурэоу… Из мелких млекопитающих…

я нашел здесь хорька» (ИМ, I, № 3.). По воспоминаниям В.А. Хахлова, о «диких людях» Центральной Азии еще много раньше П.К. Козлов беседовал в Зайсане с его отцом, причем оба собеседника относились к этому с сомнением. Однако навряд ли случайно, что ученик П.К. Козлова А.Д. Симуков в дальнейшем принялся за изучение проблемы «хунгурэоу».

Приведенные записи из дневника датированы 2–16 августа. Запись от 19 августа относится уже к Южному хребту. Из замечаний Пржевальского о погоде ясно, что обследовать Северный хребет ему в сущности не удалось. Да и служка ламы в горах Гаджур вероятнее имел задачей отвести путешественников от наблюдения данного животного, как это еще недавно делали маньчжуры с охотниками на тигров, почитаемых хозяевами тайги. Проверка Пржевальским сведений о «хун-гурэсу» ограничилась, по-видимому, посещением указанной кумирни, где настоятель, возможно, постарался его обмануть. Последующие же русские путешественники по Центральной Азии придали непререкаемое значение утверждению Пржевальского, будто рассказы о «человеко-звере» или «диком человеке» относятся к медведю-пищухоеду.

Во время своего третьего центральноазиатского путешествия Пржевальский снова в 1879 г. перевалил через Наньшань и обследовал его северные и южные склоны. Как раз при спуске на южных склонах произошел эпизод, до послед-

него времени не привлекавший большого внимания. Во время охоты на уларов и дикого яка один из участников экспедиции казак Егоров пошел по кровавому следу подраненного яка, сбился с пути, не был найден, но через пять суток по счастью сам набрел на своих, находясь уже в тяжком состоянии. В передаче Пржевальского рассказ Егорова о его блужданиях в горах ясен и не вызывает вопросов (Пржевальский Н.М. От Зайсана через Хами в Тибет., 1948, с. 120–124.).

Но этот эпизод получил совсем новое освещение в результате надавнего сообщения в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» известного знатока доистории Средней Азии Г.В. Парфенова о его беседе с другим выдающимся русским путешественником, П.К. Козловым, записанной им в 1929 г. В то время Г.В. Парфенов заведовал в Смоленске мемориальной комнатой и библиотекой Н.М. Пржевальского, а П.К. Козлов приехал в Смоленск прочесть несколько лекций о его путешествиях. «Я, как и другие, заметил, – сообщает Г.В. Парфенов, – что, рассказывая эпизод о временном исчезновении казака Егорова, П.К. Козлов словно что-то не досказывал об обстоятельствах. Поэтому, оставшись с П.К. вдвоем в номере гостиницы, я задал ему вопрос: что же особенного случилось тогда с Егоровым? Дело в том, что в письмах или черновиках Пржевальского я читал более подробные чем в печатном отчете сведения о лоб-норских диких людях, живущих в тугаях, не знающих огня, ловящих рыбу руками и поедающих ее сырой. Я мысленно сопостав-

лял эти сведения с данными о дикой лошади и диком верблюде. Я принимал во внимание и данные Уварова о древности человека в Азии. П.К. Козлов насторожился, спрашивая меня: что я имею в виду? Уж не предполагаю ли я, что там мог уцелеть доисторический человек? Вот тогда-то, на мой положительный ответ, П.К. и рассказал, что в районе охоты на дикого яка Егоров, по словам последнего, встретил диких людей. Рост и физический облик этих существ сходен с человеком, но тело их покрыто волосами. П.К. упоминал о каких-то издаваемых ими звуках… В связи с этим-то разговором – заканчивает Г.В. Парфенов свое сообщение П.К. и порекомендовал мне заняться историей Средней Азии» (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».).

Трудно было бы уверенно сказать, почему утверждение Егорова о наблюдении им диких волосатых человекоподобных существ на южных склонах Нань-шаня дошло до нас лишь из третьих рук. Все же в пользу его достоверности можно высказать предположение, что Егоров видел тех самых «хун-гурэсу», о которых в этих горах уже слышал Пржевальский (при описании их внешности может быть краски были несколько сгущены) и которые на этот раз обнаружились из-за интенсивного пищевого стимула – долго бредшего и умершего от раны дикого яка, вблизи которого как раз был Егоров.

В четвертом путешествии, в 1883 г., Пржевальский узнал о незнакомых с огнем и одеждой «людях», живущих в трост-

никах Лоб-нора и болотах Нижнего Тарима в «состоянии полной дикости». Более подробные сведения в рукописях Пржевальского еще не разысканы. В печатном тексте Пржевальский не привел имевшихся у него конкретных данных, имеющихся в его письмах, по словам Г.В. Парфенова. На этот раз он связал указанные сведения не с медведем-пищухоедом, а с преданиями о беглых буддистах, в Х1У в. укрывшихся в тростниках Лоб-нора от преследователей магометан (Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. 1948, с.186.). Однако кое-какие имеющиеся сейчас сведения об обитании «дикого человека» («снежного человеке») и в горах Нань-шань и в тростниках Лоб-нора, может быть, позволяют думать, что на Лоб-норе Пржевальский был в третий раз вблизи «хун-гурэсу», в третий раз на пороге несостоявшегося открытия…

Шли годы. Изредка появлялись на страницах русских научно-популярных журналов своеобразные вести из зарубежных стран. То журнал «Природа и люди» публикует в 1899–1900 гг. корреспонденции о якобы привезенном из Гималаев в Европу неведомом человекоподобном существе (что оказалось неверным). То журнал «Живописное обозрение» в 1904 г. перепечатывает заметку из «Дэйли мейл»: корреспондент из Лхасы сообщает, что, по рассказам тибетцев, в какой-то местности по р. Брахмапутре живут такие дикие люди, которые ходят без одежды, не обладают никакой членораздельной речью, не имеют орудий или оружия, так что

в драках пускают в ход зубы и ногти (позволительно высказать удивление, как это корреспондент газеты «Дейли мэйл» Ралф Иэзард, собравший в своей книге о «Снежном человеке» множество сообщений со всего света, в том числе далеко не первоклассных, упустил это сообщение собственной газеты.). Но это не были самостоятельные исследования отечественных ученых.

В данном отношении гораздо важнее отметить хотя бы и стоящее совсем особняком выступление в 1899 г. в печати видного зоолога К.А. Сатунина: «Биабан-гули». Речь здесь шла о диком человекоподобном животном на юге Кавказа, в Талышских горах. К.А. Сатунин был крупнейшим исследователем фауны Кавказа, в первую очередь млекопитающих, и описал большое количество новых видов. Поэтому, казалось бы, не могла не привлечь внимания статья этого опытного полевого исследователя, в которой он привел не только рассказы населения, частью сказочные, частью реалистические, но и одно собственное наблюдение, к которому он счел возможным применить слова «я ясно увидел» (Сатунин К.А. «Биабан-гули» // Природа и охота. М., 1899, кн. VII, с. 28–35.). Однако тема, затронутая Сатуниным, не была подхвачена никем из зоологов-кавказоведов. Эта нить надолго оборвалась.

В 1906 г. произошло событие, значение которого, тоже было оценено лишь много позже. Молодой ученый-востоковед, бурят по национальности, Б.Б. Барадийн в 1905–1907 гг.

получил от Российского географического общества в Петербурге командировку для путешествия через Монголию в Тибет. Как он впоследствии сообщил своему другу, ученому-монголоведу Ц.Ж. Жамцарано, на пути следования в тибетский монастырь Лавран, во время прохождения каравана через пустыню Алашань в апреле 1906 г., в урочище Бадын-джаран, он близко и ясно видел необычайное существо. Описание случая, сделанное Барадийном, до нас не дошло, и мы можем восстанавливать картину только сопоставляя несколько записей, сделанных разными лицами по рассказам проф. Жамцарано.

В 1930 г. корреспондент газеты «Комсомольская правда» М.К. Розенфельд, разумеется, ничего не слышавший о «снежном человеке», в своей книге «На автомобиле по Монголии» (позже, в вольном пересказе и в книге «Ущелье алмасов») привел следующую запись рассказа проф. Жамцарано. Последний говорил об одном недавнем случае появления «дикого человека» – «алмаса» возле монгольского кочевья. «Я мог бы рассказать множество подобных историй, но боюсь, что вам они покажутся легендами, суевериями темных людей», – продолжал ученый. «Однако меня эти рассказы убеждают, что «алмасы» действительно существуют. В описаниях путешествий по Центральной Азии часто встречаются упоминания о «диких людях»… Все эти факты идут из древности. Впрочем, есть источники и совсем недавнего времени. В 1906 г. профессор Барадийн шел со своим

караваном в песках Алашани. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, когда пора было уже остановиться на ночлег, каравановожатый, посмотрев на холмы, вдруг испуганно закричал. Караван остановился, и все увидели на песчаном бугре фигуру волосатого человека, похожего на обезьяну. Он стоял на гребне песков, освещенный лучами заходящего солнца, согнувшись и опустив длинные руки. Алмас с минуту смотрел на людей, но заметив, что караван увидел его, скрылся в холмах. Барадийн просил нагнать его, но никто из проводников не решился» (ИМ, I, № 4).

В последнем пункте запись Розенфельда расходится с записями ученика проф. Жамцарано – видного монголоведа проф. Ринчена. «Покойный ныне профессор Б. Барадийн был единственным русским ученым, которому посчастливилось во время своего путешествия встретиться с алмасом. В караване, шедшем в буддийские монастыри Тибета Гумбун и Лавран, вместе с проф. Барадийном ехал и ученый монах ургинского монастыря Шараб Сиплый, славившийся необычайной физической силой. В урочище Бадын-Джаран во (36/37) внутренней Монголии Барадийн был изумлен появлением волосатого человека, перебежавшего путь каравану и поднявшегося на бархан. Шараб Сиплый объяснил ученому, что это дикий человек – алмас, и, соскочив с верблюда, бросился вслед уже поднимавшемуся на бархан необычайному существу. Однако в тяжелой обуви и одежде Шарабу не удалось настичь алмаса, который быстро скрылся за

барханом. Преследовать его один Шараб не решился, и караван продолжал путь. Для всех монголов – спутников Барадийна – встреча с алмасом была такой же обычной, как встреча с дикой лошадью или диким яком. Об этой встрече с алмасом профессор Барадийн рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. В 1936 г. проф. Барадийн в Ленинграде справлялся у меня – жив ли его спутник Шараб Сиплый, который пытался догнать и схватить алмаса» (ИМ, III, № 72). «Ургинские ламы, к которым я обратился с просьбой сообщить, где теперь этот Шараб, сообщили мне, что он умер недавно почти 80-летним старцем и рассказали мне, что это был человек огромной силы и смелости и мог бы бесстрашно вступить в единоборство с алмасом» (ИМ, I, № 5.).

Стоит отметить, что в цитированной опубликованной статье «Алмас – монгольский родич снежного человека» проф. Ринчен объясняет отсутствие упоминания об этой удивительной встрече в опубликованном отчете о путешествии проф. Барадийна тем, что в распоряжений последнего не было фотоаппарата, он не мог зафиксировать алмаса на пленке; но в более раннем сообщении проф. Ринчен писал, может быть, откровеннее: «Жамцарано рассказывал, что Барадийн хотел включить это происшествие в урочище Бадынджаран в свой отчет, но С.Ф. Ольденбург (председатель Российского Географического Общества, в дальнейшем непременный секретарь АН СССР. – *Б.П.*), отсоветовал, сказав,

что никто не поверит и поэтому во избежание конфуза не следует упоминать об этом случае» (Ibidem). Если это так, навряд ли стоит замалчивать то, что для истории науки может оказаться полезным. По тем же мотивам нужно отметить и третью возможную причину умолчания в печатном отчете Барадийна (Барадийн Б.// Известия Российского Географического Общества., 1908,) о его встрече в Алашани: как показывает переписанный им начисто экземпляр путешествия, сданный на хранение в архив (где тоже опущен указанный эпизод), Барадийн называл себя буддистом, и, как таковой, может быть, мог получить в Петербурге разъяснения от буддистов более высокой ступени о том, что данное животное, хотя оно и не является, собственно говоря, священным, все же не рекомендуется описывать.

Так или иначе, наблюдения проф. Барадийна не попало в свое время в печатный отчет. Поэтому для дальнейшего развития науки оно могло сыграть лишь косвенную роль. Но оно послужило, по-видимому, одним из существенных толчков к началу изучения вопроса об «алмасах» («хун-гурэсу», «диких людях») весьма известным монгольским ученым проф. Жамцарано, а вслед за ним и несколькими его сотрудниками и учениками.

К сожалению, мы пока не располагаем архивом покойного проф. Жамцарано. Впрочем, по словам продолжающего ныне его исследования в данном вопросе проф. Ринчена, обширных записей Жамцарано не вел, а предпочитал краткие

пометки на карте, «куда мы с ним заносили сведения, очерчивая на основании устных расспросов ареал предполагаемого обитания алмасов с конца XIX в. по 1928 г., чтобы с этой картой пуститься в странствование по местам, причем мы помечали на полях имена информаторов – большей частью караванщиков и бродячих монахов, проходивших эти места и слышавших или видевших эти странные существа и их следы… Монгольский художник Соелтай, работавший в Комитете наук МНР, на основе сведений д-ра Жамцарано исполнял в красках изображения гобийских алмасов; на рисунках были пометки Жамцарано – «алмас по описанию такого-то»… Жамцарано был убежден в существовании алмасов. Мы считали, что алмасы вымирают и держатся теперь только в глухом районе, необитаемом людьми. Об их вымирании в его глазах красноречиво свидетельствовала его карта, на которой мы очерчивали на основе сообщений разных лет ареал распространения алмасов… Судя по данным, собиравшимся в течение ряда лет покойным Жамцарано, с 90-х годов прошлого века по первую четверть двадцатого столетия ареал обитания алмаса суживался и почти совпадал с ареалом обитания лошади Пржевальского и дикого верблюда в юго-западной части Монголии… Мы предполагали в 1929 г. в небольшом составе двух-трех человек выехать в места предполагаемого обитания алмасов. Д-р Жамцарано был твердо убежден, что поимка алмаса будет иметь огромное научное значение. Однако экспедиция эта не со-

стоялась» (ИМ, I, № 5; III, № 72).

Сотрудниками и участниками исследований Жамцарано на территории Монгольской Народной Республики были несколько лиц. Прежде всего необходимо назвать другого покойного члена Комитета наук МНР Дорджи Мейрена. Последний, во-первых, сохранил для нас хотя бы в самом суммарном виде итог произведенного Жамцарано хронологического и топографического учета сведений на территории МНР. «Еще в начале четырнадцатого шестидесятилетия (по монгольскому календарю: 1807–1867 гг.) алмасы обитали в южных пределах Халхи в Галбин Гоби, Дзак суджин Гоби, а во Внутренней Монголии их было много в кочевьях средне-уратского хошуна Уланчабского сейма, в Грбан Бугтин Гоби, в Шардзын Гоби Алашаньского хошуна, в Бадын-джаране и других местах». Затем, говорит Дорджи Мейрен, число их уменьшилось, и указывает немногие места где они еще имелись к концу пятнадцатого шестидесятилетия (1867–1927 гг.), в начале шестнадцатого шестидесятилетия (с 1927 г.) их было уже очень мало, что, заключает он, свидетельствует о вымирании алмасов (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Сообщено проф. Ринченом.). Во-вторых, Дорджи Мейрен обогатил опросные данные сбором сведений о шкурах алмасов, хранившихся в качестве предметов культа в некоторых монастырях Монголии – в Гоби, в Алашани. Одну из них он описал так: «Волосы на коже были рыжеваты, курчавы, и

длиннее, чем могут быть у человека. Кожа алмаса была снята посредством разреза на спине, так что грудь и лицо сохранились. Лицо было безволосым и имело брови и длинные всклокоченные волосы на коже головы. На пальцах рук и ног сохранились ногти, которые были похожи на человеческие» (ИМ, I, с.10–11). В-третьих, Дорджи Мейрен впервые сделал попытки дать для подготавливавшихся монгольских словарей подобие научно-биологического описания «алмаса» и «алмаски» на основе опросных данных. Так, он писал: «Алмаска название одного гобийского животного, очень похожего внешним видом на человека. Тело покрыто редковатыми волосами. Груди длинны… Другое название алмасок – «имеющая косолапые следы»… До сих пор ни один из европейских исследователей еще не видел и не описал алмасов» (1935 г.).

В экспедицию в Гоби за «алмасами» проф. Жамцарано предполагал послать двух своих молодых сотрудников: Симукова и Ринчена.

А.Д. Симуков ранее был научным сотрудником экспедиции П.К. Козлова. Он стал выдающимся исследователем Монголии. Мы не знаем, когда зародился в нем интерес к проблеме монгольского «дикого человека» и как много успел он сделать в изучении этой темы. Вполне возможно, что он слышал от П.К. Козлова тот же рассказ о наблюдениях казака Егорова, который позже услышал Г.В. Парфенов. Достоверно мы знаем только то, что в путевых записях

Симукова, относящихся к его последующим самостоятельным путешествиям и сборам материалов, имеются данные об «алмасах», в том числе описание следов этого существа. Полностью научное наследство А.Д. Симукова в данном вопросе еще не выявлено. Так как он предполагал ехать в специальную экспедицию на поиски «алмасов» в недоступные районы Гоби, несомненно, что он придавал большое значение этой теме.

Второй намечавшийся участник несостоявшейся экспедиции монголовед Ринчен – внес существенный вклад в развитие идей и исследований Жамцарано. Вслед за последним, Ринчен продолжал сбор опросных данных об «алмасах» в МНР, стремясь выявить их географическую локализацию и биологические особенности. В «Информационных материалах» опубликованы многочисленные сведения, собранные д-ром Ринченом, которые будут приведены ниже, в соответствующей главе. Здесь достаточно процитировать его некоторые выводы. «Об алмасах я собирал сведения в Гоби до 1937 г. (а затем – в 50-х гг. – *Б.П.*). Вот как описывают гобийцы, видевшие их некогда или слышавшие от тех, кто достоверно их видел. Алмасы очень похожи на людей, но тело их покрыто рыжевато-черными волосами, совсем не густыми – кожа просвечивает между волосами, чего никогда не бывает у диких животных в степи. Рост такой же, как у монголов, но алмасы сутуловаты и ходят с полусогнутыми коленями. Могучие челюсти и низкий лоб. Надбровные дуги

выступают по сравнению с монголами. У женщин длинные груди. Сидя, они могут перебросить грудь на плечо, чтобы кормить стоящего за сидящей на земле матерью алмасенка. Разводить огонь не умеют» (ИМ, I, с.8–9). К этим чертам далее добавляется еще указание на косолапость, на быстрый бег, описание некоторых характерных повадок. Что касается ареала алмаса, а также его сближения с гималайским «снежным человеком», то эти вопросы освещены в недавней статье Проф. д-ра Ринчена «Алмас – монгольский родич снежного человека» (Ринчен. Алмас – монгольский родич снежного человека // Современная Монголия, 1958, № 5, с. 34–38.).

Работы всей этой группы ученых на почве Монголии, которую можно было бы условно назвать школой Жамцарано в вопросе об «алмасе», не оставались без хотя бы небольших связей в более широких кругах русских географов и зоологов. Так, установлено, что проф. Жамцарано в Петербурге делился своими мнениями по этому вопросу с видающимся географом Г.Е. Грумм-Гржимайло. Имеются косвенные сведения об интересе к данной теме и известного зоолога Д.Н. Кашкарова. Последний, по словам К.В. Станюковича, располагал данными о неудачной попытке кого-то из путешественников добыть в Джунгарии или Кашгарии живого «дикого человека», однако загнанного до смерти и брошенного верховыми проводниками. Достигали научных кругов и глухие сведения о «диких людях» с Памира: зоолог Воскобойников в 90-х гг. XIX в. собирал соответствующие сведения о

Ронг-Кульских пещерах (ИМ, IV, № 129), энтомолог Якобсон в 1909 г. узнал на Памире от проводника, что где-то к востоку встречается «дикий человек», – однако Якобсон не придал значения этому сообщению и не выяснил никаких подробностей (ИМ, IV, с.14.).

Весьма далеко успел углубиться в исследование вопроса о «диком человеке» Центральной Азии зоолог В.А. Хахлов. Работая в 1907–1914 гг. в г. Зайсане, на границе России и Китая, Хахлов собрал и, главное, впервые подверг серьезному сравнительно-анатомическому анализу сообщения об этом существе казахов, кочующих вплоть до южных отрогов Тянь-Шаня, в глубь Синьцзяна.

На первый взгляд могло бы показаться, что данные Хахлова, относящиеся к проблеме «снежного человека», были совершенно оторваны от других, как и многие изолированные сведения отечественных ученых в этой проблеме, еще не созревшей для обобщения и выводов. Однако на самом деле работа этого зоолога как раз в какой то мере испытала толчок предшествовавших знаний, явилась косвенным плодом мало-помалу формировавшегося интереса отечественной науки к гипотезе о реликтовом человекоподобном примате нагорной Азии. Это доказывается двумя документами, найденными в Архиве Академии наук СССР, как и показаниями самого ныне здравствующего В.А. Хахлова.

Один из найденных документов – заявление Хахлова в Российскую Академию наук из Зайсана, датированное 1

июня 1914 г. Здесь Хахлов излагал некоторые свои предварительные заключения о существовании прямоходящего дикого существа в Центральной Азии, сравнивая его по его подобию животным с «допотопным человеком». Хахлов просил Академию наук выслать ему бумаги, необходимые для организации экспедиции на территорию Китая за этим существом. Он привел тут же некоторые примеры из своих записей и так сформулировал главный вывод: «Этих рассказов, записанных со слов очевидцев, вполне достаточно, думается мне, чтобы не считать уже подобные рассказы мифологическими или просто измышленными, и самый факт существования такого Primihomo asiaticus, как можно было бы назвать этого человека, не подвергать сомнению».

Этот документ навсегда останется важной вехой в истории подступов к проблеме «снежного человека». Сейчас нам важно обратить внимание на заглавие и первые слова заявления Хахлова: К вопросу о «диком человеке». «Сам по себе – начинает автор – этот вопрос не нов: мы уже встречаем указания об этих людях у некоторых путешественников по Центральной Азии, но лишь указания на рассказы туземцев; описания же подобных существ не приводилось. Между тем решение этого вопроса… очень важно для науки» (ИМ, IV, № 122; III, а.). Почему Хахлов считал, что вопрос не нов, каких путешественников по Центральной Азии он имел в виду?

Ответ находим в рассказе самого В.А. Хахлова: когда в

1907–1910 гг. им были собраны первые сведения от охотников-проводников и от казахов, бывавших в Джунгарии, о существовании там не только диких лошадей (ат-гыик) и диких верблюдов (тье-гыик), но и «дикого человека» (ксы-гыик), он написал об этом своим руководителям по Московскому университету. «Следует упомянуть, что в 1904 г., тогда приват-доцент Московского университета, П.П. Сушкин обследовал Зайсанскую котловину и Тарбагатай. С этого времени все мои работы по изучению края протекали при его консультации; П.П. Сушкин поддерживал со мной переписку, В 1909 году, после моего поступления в Московский университет, уже установился личный контакт, так как я стал работать под непосредственным его руководством у проф. М.А. Мензбира. Возможность существования «дикого человека» М.А. Мензбир полностью отрицал, тогда как П.П. Сушкин сообщил, что путешественники по Центральной Азии также слышали о существовании такого существа и, в частности, Козлов якобы говорил ему об этом. Во всяком случае, он рекомендовал мне не оставлять без внимания такие сведения». Мы уже знаем из изложенного выше, какие сведения мог сообщить П.К. Козлов П.П. Сушкину, какие путешественники по Центральной Азии знали по данному вопросу больше, чем изложили в своих печатных отчетах. П.П. Сушкин, впоследствии академик, один из крупнейших русских зоологов-дарвинистов, был одним из тех, кто конденсировал эти предварительные сведения. О том, что он действительно ак-

тивно поощрял занятия Хахлова вопросом о «диком человеке» и сам передавал ему кое-какие свои сведения, свидетельствует другой документ, обнаруженный в том же Архиве Академии наук СССР, но на этот раз в личном фонде П.П. Сушкина: письмо Хахлова Сушкину из Зайсана от 18 декабря 1914 г., являющееся ответом на письмо Сушкина Хахлову из Харькова (где Сушкин был в это время профессором Университета) от 24 ноября 1914 г.

Из этого письма Хахлова к Сушкину видно, что они уже далеко не в первый раз обсуждают проблему и возможные пути практических исследований. Хахлов приводит некоторые новые экологические детали, подчеркивает отличие этих сведений от мифологии и пишет: «Как видите, вопрос получает другую постановку, и в его основу кладутся факты, если только возможно верить хотя бы 1/1000 слышанного». Автор не сомневался, что верить можно и гораздо большему проценту. Непосредственно этот обмен письмами был вызван неудачею заявления Хахлова в Академию наук, оставленного без последствий и подшитого по распоряжению академика-этнографа В.В. Радлова к делу «Записки, не имеющие научного значения». Хахлов и Сушкин обсуждали теперь другой путь организации экспедиции – через посредство Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Давая эти практические советы, Сушкин, как видно из ответа, одновременно сообщал Хахлову и новые сведения о «диких людях», относящиеся к Кобдинскому району Мон-

голии, – кстати сказать, одному из последних районов Монголии, откуда и до самого недавнего времени поступают сообщения о редких наблюдениях «алмасов». Если даже эти сведения Сушкин лично собрал во время своей экспедиции в Алтай и Монголию в мае-августе 1914 г., остается вероятным, что он был в той или иной мере в курсе работ «школы Жамцарано» по этому вопросу.

Ознакомимся с ходом и краткими выводами исследований В.А. Хахлова. Для этой цели мы воспользуемся двумя его сводками: 1) «О «диком человеке» в Центральной Азии», 2) «Что рассказывали казахи о «диком человеке» (ИМ, IV. № 122.). Они написаны в 1958–1959 гг. на основе частично сохранившихся в личном архиве В.А. Хахлова полевых дневников, записей и зарисовок, преимущественно 1912–1915 гг. Возможность влияния современной литературы о «снежном человеке» на эти сводки Хахлова очень невелика, тем более, что первая из них была составлена до появления в СССР какой-либо существенной литературы о «снежном человеке», а за зарубежными изданиями В.А. Хахлов не следил, так как с 1915 по 1958 г. совершенно прервал всякие занятия данной темой.

В течение нескольких лет молодой исследователь объезжал прилегающие к Зайсану и Тарбагатаю районы Джунгарии, тщательно слушая и записывая все, что так или иначе касалось «дикого человека». Сначала он, конечно, полагал, что «дикий человек» – миф, затем оказалось, что «его ви-

дели, его ловили, он оставлял следы на песке, распространял запах, кричал, сопротивлялся, жил на привязи некоторое время». От представления о мифичности «дикого человека» пришлось вскоре отказаться. Существо это для самих казахов, имеющих сведения о нем, говорит Хахлов, представляет загадку, по совсем другого рода. Все они обращались к нему, как к человеку сведущему, с просьбой сказать им, что это за создание – человек ли, зверь ли, правильнее ли считать его зверем, напоминающим человека, или человеком, похожим на зверя? «Мое положение, говорит Хахлов, было не из завидных, так как лично я не видел этого существа, мог судить о нем лишь по рассказам, и был, пожалуй, в большем недоумении чем они, ибо сомневался в существовании «дикого человека», тогда как они были уверены, что он есть и живет где-то на юге, там, где встречаются бывшие долгое время загадочными дикие лошади и дикие верблюды». Почти при каждой попытке уточнить место обитания этого «дикого человека» Хахлов наталкивался на сопоставление с местом обитания указанных животных. Затем Хихлову удалось найти среди казахов и двух очевидцев, которым случалось увидеть «дикого человека», в Центральной Азии, куда они ездили к родственникам. Один ежедневно на протяжении нескольких месяцев наблюдал пленную самку «дикого человека» на привязи, другой участвовал в поимке самца. Оба они видели «дикого человека» в разных местах и ничего не знали друг о друге. Удалось разыскать также охот-

ников и пастухов, поведавших о своих беглых наблюдениях. Детальный опрос их зоологом дал ценные и убедительные научные результаты.

Один очевидец, за год до опроса находясь в горах Ирень-Кабырга, однажды вместе с местным табунщиком пас ночью лошадей. На рассвете они заметили какого-то человека и, заподозрив в нем конокрада, быстро вскочили в седла, захватив длинные палки с волосяными петлями на концах, которыми арканят лошадей. Так как «человек» бежал неуклюже, им удалось набросить на него две петли и задержать. При этом он кричал, вернее, визжал («как заяц»). Разглядев пойманного, табунщик объяснил приезжему, что это «дикий человек» – безобидное существо, никакого ущерба людям не причиняющее, и его следует отпустить. Отпустив «дикого человека», оба казаха последовали за ним и обнаружили место, куда он скрылся: углубление под нависшей скалой, где было набросано довольно много сухих стеблей и высокой травы (курая).

В заявлении В.А. Хахлова в Академию наук в 1914 г. был описан, видимо, другой случай поимки «дикого человека»; здесь ряд подробностей отличается. Сначала приводится запись рассказа одного из двенадцати табунщиков, который, оставшись ночью один при костре, был перепуган до обморока появившимся голым человеком. Приводимая далее запись слов его товарища гласит, что, прибежав на крик, остальные могли только уразуметь, что в камышах скрылся

какой-то человек, и, растянув веревку вокруг камышей, сидя на лошадях, стали загонять, скоро кто-то сильно дернул веревку в руках рассказчика, он чуть не упал с лошади, но подоспевшие остальные киргизы набросили веревку на шею и вытащили из камышей голого обросшего полосами человека. Связавши ему руки назад, полагая, очевидно, что он конокрад, его стали бить нагайками, добиваясь от него, кто он, но истязание не помогло – он только кричал как заяц. Лишь наутро пришедший старик объяснил табунщикам, что это «дикий человек» и говорить не может. Однако дальнейшее описание пойманного совпадает с данными о том самце, поимка которого описана выше.

Другой очевидец, разысканный В.А. Хахловым, несколько месяцев наблюдал «дикого человека» в районе реки Манас, или Дамь, впрочем в письме к П.П. Сушкину (1914) В.А. Хахлов пояснял, что это скорее направление, откуда идут сведения, а рассказы очевидцев более точно могут быть приурочены к берегам озера Аир-нор или Таш-нор, и урочищу Торгоут-уткуль. Объект наблюдения на этот раз – существо женского пола, жившее прикованным на цепи на какой-то небольшой мельнице, пока, наконец, не было отпущено на волю. Это существо очень редко подавало голос и было тихим и молчаливым. Только при приближении к нему оно скалило зубы и издавало визг. Лежало и спало оно очень своеобразно – «как верблюд» по выражению рассказчика, а именно на подогнутых под себя коленях и локтях, немного

расставленных, положив голову лбом на землю, причем кисти рук располагались на затылке (в этой позе подчас спят маленькие дети, имеются сведения, что так спят тибетцы). Очевидно, именно таким положением во время сна на каменистой почве объясняется, что у данного экземпляра на локтях, коленях и лбу кожа была грубая «как подошва у верблюда». Из предлагаемой ей пищи пленная самка «дикого человека» ела только сырое мясо, некоторые овощи и зерно, причем последним главным образом ее и кормили. К вареному мясу не прикасалась, к хлебным лепешкам начала привыкать позднее. Иногда схватывала и ела появлявшихся поблизости насекомые. Пила или припав к воде, («как лошадь»), или макая руку и слизывая стекающую воду. Когда невольницу отпустили на свободу, она, неуклюже переступая, болтая длинными руками, убежала в камыши, где и скрылась.

Приводит В.А. Хахлов и запись рассказа проживавшего на Алтае отставного солдата, которому в 60-х годах пришлось побывать в Джунгарии, южнее оз. Улюнгур, и во время охоты на кабанов в тростниках вместе с офицером увидеть и схватить вышедшую из тростников странную дикую женщину, всю покрытую волосами. У нее были покатый лоб, глубоко впавшие глаза, большие челюсти, короткая шея. Руки ее выглядели длинными, ступни ног были широки, «как растоптанные башмаки», – таких ног никогда не увидишь у людей. Пойманная вырывалась, издавая визг. Как только ее отпустили, она убежала в камыши, широко расставляя ноги,

«как будто у нее на каждой ноге было привязано что-то тяжелое».

Однако главное значение для сравнительно-анатомического описания имела опросная работа с первыми двумя очевидцами. В.А. Хахлов изобретательно использовал различные приемы, чтобы перевести сообщения казахов-кочевников па язык современной науки. Тем более он был поражен: выдумать все это рассказчики не могли, не могла бы полностью совпасть фантазия двух человек, совершенно незнакомых к тому же с зоологией и антропологией, да и не знавших до того друг друга. Для дополнительной проверки Хахлов сфотографировал из книг изображения гиббона, шимпанзе, гориллы и реконструкцию доисторического человека и дал эти снимки обоим очевидцам с просьбой показать, какая из фотографий больше напоминает виденного ими «дикого человека». И тот и другой указали на последнюю, оговорившись что виденное ими существо «больше похоже» на это изображение, однако отличается от него. Следует попутно отметить, что сорок лет спустя ту же методику применяли исследователи проблемы «снежного человека» в Гималаях, и примерно с тем же результатом.

Особенно важным представлялось зоологу выведать у очевидцев все отличия в строении тела этого существа от человека.

Прежде всего – голова. Зоолог был поражен, что при расспросах о лице очевидцы описывали не лоб, глаза, нос, а ука-

зывали на то, что им более бросилось в глаза: вместо лба – массивные надбровные дуги; выдающиеся скуловые части; вместо губ и подбородка – выпячивающиеся вперед массивные челюсти с большим в длину ртом и мощными, но схожими с человеческими, зубами. В.А. Хахлов придает большое значение тому психологическому факту, что именно эти черты обратили на себя внимание и ярко запечатлелись. Остальные детали приходилось выяснять расспросами. На вопрос: «А лба разве нет у дикого человека?» – рассказчик отвечал, что лоб есть, но он мало заметен, так как очень покатый и за надбровными дугами покрыт мозолистой кожей, за которой растут волосы. Для уточнения формы головы пришлось прибегнуть к рисунку на земле, к сравнениям, к показу на людях и животных. Посадив на землю собаку и опустив ей морду, рассказчик показал, что именно он имел в виду говоря, что голова у «ксы-гыик» заострена на затылке, а шея толстая, с выдающимися возле затылка мышцами. Окончательный набросок на земле, сделанный зоологом, подтвердил, что все понято в общем правильно.

Точно так же, и рассказом и показом, были выяснены и другие детали. Надбровные дуги рассказчик изобразил приложив к своим бровям немного согнутые указательные пальцы. Описание носа, небольшого, но с большими ноздрями, очевидцы пояснили указанием на нос одного больного сифилисом односельчанина. Держась за свой подбородок, очевидцы говорили: «Вот такого подбородка у ксы-гыик нет», и

показывали, как срезана нижняя челюсть. Вместе с этим они подчеркивали выдающиеся вперед челюсти и большой рот. Для демонстрации ширины разреза рта они пальцами растягивали свой рот, насколько это было возможно, прибавляя, что рот у «дикого человека» еще шире, и сравнивали со ртом верблюда. Губы «дикого человека», по их описанию, очень узкие, темные и снаружи почти незаметны, а обнаруживаются только тогда, когда он оскаливает зубы. Зубы значительно крупнее человеческих, прикус резцов под углом выдается вперед, «как у лошади», клыки у пойманного самца, особенно верхние, были большие и раньше других зубов выступали из под губ. Кожа лица – голая, темного цвета. Об ушах удалось выспросить немногое: они довольно большие, без мочек, кажутся заостренными, может быть, из-за направления роста волос на них. Один рассказчик ясно припомнил длинные черные ресницы на глазах.

Необходимо остановиться на единственном существенном расхождении данных В.А. Хахлова с подавляющей массой имеющихся других данных: в его записях нет никаких показаний о характере волос на голове (а также о бровях), из чего он делает вывод, что раз волосяной покров на голове никак не бросился в глаза, значит он почти отсутствует, во всяком случае значительно меньше, чем у человека. Но позволительно спросить, не вина ли тут самого опрашивающего, не забыл ли он расспросить своих информаторов о волосах на голове столь же настойчиво и изобразительно, как он

делал это в отношении многих других деталей?

На основе расспросов В.А. Хахлов сделал набросок головы «дикого человека». Сам В.А. Хахлов подчеркивает, что этот набросок получил лишь некоторое, но не полное одобрение очевидца, с которым шел тогда разговор: «было впечатление, что рисунок и напоминал, и расходился с реальным диким человеком». Эта заметка свидетельствует об объективности исследователя. Но он не нашел объяснения неполноты своего успеха. Думается, она может быть объяснена стремлением В.А. Хахлова выявлять только черты отличия «ксы-гыик» от человека, преуменьшая или игнорируя черты их сходства.

Не меньшее значение придавал В.А. Хахлов и опросам об особенностях верхних и нижних конечностей, этого существа. Очевидцы отмечали, что руки у него длинные – до колен и даже ниже. Один охотник, рано утром вспугнувший «дикого человека» на каменистом горном склоне, говорил, что тот стремительно вскарабкался по скалам «как паук по паутине». Такое выражение, видимо, образно передает, что зверь этот выбрасывал вперед длинные руки, хватаясь за выступы, и подтягивал на них тело, в то время как ноги помогали ему подталкивать себя.

Руки «дикого человека», по утверждению очевидцев, сплошь покрыты волосами, за исключением мозолистых локтей и голых ладоней. Чтобы показать, как выглядит кисть «ксы-гыик», рассказчики очень сильно сжимали с боков

свою ладонь в месте расхождения пальцев, подгибая при этом большой палец к ладони, прижимая его к указательному. Тогда человеческая кисть выглядит очень узкой и длинной. Когда на одного самца накинули веревку, участник облавы заметил, что тот схватывал ее не так, как человек, а набрасывал на нее сверху все пять пальцев вместе, как крюк. Иными словами, первый палец у «дикого человека» меньше противопоставляется остальным, чем у человека. Зато сильнее выдвинуты последние три, что важно при скалолазании. Третий и четвертый, по предположению В.А. Хахлова, одинаковой длины. По словам одного из очевидцев, манера самки «дикого человека» брать небольшие предметы или насекомых была очень своеобразной: животное прижимало объект большим пальцем к средней фаланге согнутого указательного пальца, а не захватывало концами их, как сделал бы человек. Ногти на руках «ксы-гыик», по словам очевидцев, узкие, длинные и выпуклые, т. е. как бы когтеобразные.

Ноги «дикого человека», как говорили очевидцы, сплошь покрыты шерстью, за исключением голых подошв и мозолистых образований на коленях. Они отмечали и сходство ступни «дикого человека» с человеческой, и отличия: несообразную ширину, широко расставленные пальцы. Для наглядности рассказчик, положив ладонь на землю, подгибал две концевых фаланги у четырех пальцев и раздвигал основные фаланги, насколько это было возможно; большой палец прижимал сбоку, но конец его отводил в сторону. В этом слу-

чае расстояние между концом большого пальца и отведенным мизинцем приблизительно равнялось четверти. На вопрос, какова длина ступни, рассказчик прибавлял назад длину ладони. Два очевидца на своей голой ноге весьма детально показывали особенности ноги «дикого человека»: большой палец заметно массивное остальных, короче и отводится в сторону. Иными словами, если на верхних конечностях противопоставление большого пальца меньше, то на нижних – больше, чем у человека. В.А. Хахлов полагает, что главную роль при передвижении «дикого человека» играют три средних пальца. Ногти на ногах, как и на руках, выглядят узкими, длинными и выпуклыми, что и создает впечатление когтей, загнутых на конце.

Общее строение тела «дикого человека» по впечатлению, оставшемуся у В.А. Хахлова от рассказов очевидцев, характеризуется не полной вертикальностью. Оно как будто наклонено вперед. Впрочем, надо оговориться, что и в этом пункте допустимо предполагать существенную ошибку В.А. Хахлова, связанную с его субъективной установкой на расширение морфологической дистанции между этим человекоподобным животным и человеком. Никаких показаний очевидцев в пользу указанного представления В.А. Хахлов не сообщает. Он приводит лишь сведения о толстой шее, наклоненной вперед, вследствие чего голова этого существа втянута в плечи; она расположена так, как у человека смотрящего вверх, и производит впечатление, будто он готов бро-

ситься на кого-то, как борец, который приготовился к схватке. Плечи сдвинуты вперед, что создает сутулость, на которую не раз указывали очевидцы, а руки оказываются висящими не по швам, а немного спереди. Фигуру «дикого человека» В.А. Хахлов характеризует относительной длиннорукостью и коротконогостью.

В целом, думается, автор создал несколько искусственный образ «ксы-гыик» почти из одних подчеркнутых признаков, отличающих это существо от человека, недостаточно отразив указания своих осведомителей на черты сходства. Однако сравнительно-анатомические исследования и реконструкции В.А. Хахлова являются в общем в высшей степени важной ступенью науки.

В.А. Хахлов собрал у казахов и еще множество ценных сведений о «ксы-гыик». Цвет его шерсти как у темных рыжевато-бурых верблюдов с примесью серого цвета, характер волоса – как у верблюженка. Однако, подчеркивает зоолог, речь шла во всех случаях о наблюдениях летней окраски, что не исключает значительного изменения как окраски, так и характера волоса в другие сезоны.

Много сведений было получено о местах встреч о этим существом: оказалось, его видели и у ледников в горах, и в песках или зарослях камышей в пустынях, и вблизи водоемов – озер и рек. По-видимому, говорит В.А. Хахлов, для него важно одно – безлюдность. Он спускается с гор в низины, когда люди перегоняют стада из низин в горы, и наобо-

рот. Встречи живых особей и наблюдения следов показывают, что живет «ксы-гыик» и в одиночку, и более или менее постоянными парами, и парами с детенышами. Подавляющее большинство описанных встреч с «диким человеком» имело место не днем, а в сумерках, или в ночное время.

О его постоянных жилищах никто не упоминал, но временные логова обнаруживали в неглубоких пещерах, под нависающими камнями, в углублениях под густыми кустами, в нишах глинистых обрывов, в камышах. От этих логов исходит неприятный запах.

Как видно из рассказов казахов, продолжает В.А. Хахлов, помимо растительной пищи (корней, стеблей, ягод), значительную долю в питании «дикого человека» занимают животные: он ест некоторых беспозвоночных, уничтожает птенцов и яйца птиц, не пренебрегает амфибиями и рептилиями, но, пожалуй, особо важную часть его рациона составляют грызуны, которых, как в горах, так и в песках и в пустынях вполне достаточно, чтобы ему прокормиться. Приводит В.А. Хахлов и два рассказа о том, как «ксы-гыик» оставлял нетронутыми внутренности выпотрошенных им перед едой птенцов, горлицы, мелкого грызуна – песчанки.

Очень интересны и полученные В.А.Хахловым сведения о том, что с наступлением зимы «дикий человек» откочевывает все далее на юг, в сторону Тибета. Там, на юге, он и вообще якобы встречается теперь чаще, так как уходит в наиболее труднодоступные и ненаселенные места. Поэтому проф.

Хахлов считает вероятным, что изучавшийся им тянь-шаньский «дикий человек» и ныне привлекший широкое внимание гималайский «снежным человек» – это одно и то же. Действительно, в этом уже немыслимо сомневаться.

«Чем больше удавалось разузнавать об этом существе, – пишет В.А. Хахлов, тем становилось яснее, что речь идет не о каком-то человеке, а о своеобразном человекообразном существе. Это могла быть замечательная ветвь приматов, которая сохранилась с древнейших времен в Центральной Азии, приспособившись к жизни в условиях высоких гор и пустынь. В этой ветви наметился путь к превращению примата в человека (словоупотребление неточное, ибо человек тоже, как и обезьяны, входит в отряд приматов.), развились некоторые человеческие черты, которые и являются причиной того, что видевшие это существо принимают его за своеобразного человекозверя… То, что мне удалось выяснить, свидетельствует о преобладании в нем звериных черт».

Дальнейшее обобщение всех данных позволит нам проверить, насколько велики эти «человеческие черты» в смысле строения тела, т. е. анатомии и морфологии данного вида животных. По-видимому, в представления В.А. Хахлова придется внести коррективы в смысле увеличения удельного веса этих черт. Но если В.А. Хахлов и ошибался, то в сторону менее препятствующую дальнейшим зоологическим исследованиям: ведь речь идет о доподлинном животном, и естественно было заострить внимание на его отличии от че-

ловека, так как всякое неосторожное преувеличение его человеческих черт могло снести всю проблему далеко в сторону от русла естествознания.

Проект дальнейших действии В.А. Хахлова состоял в том, чтобы отправить за тысячу километров на юг, в Синьцзян небольшую экспедицию – не только в надежде поймать, сколько с целью убить это своеобразное двуногое, в действительном существовании которого он уже не сомневался, и привезти для начала хотя бы конечности и голову, предохранив их от разложения формалином в кожаном мешке. Один из очевидцев и один местный охотник брались в течение года выполнить это сложное и небезопасное путешествие, наметив определенные приемы выслеживания и преследования животного.

Но, как уже отмечено, гипотезы и предложения молодого зайсанского зоолога не были поддержаны Российской Академией наук. Судьба исследований В.А. Хахлова ярко характеризует косность дореволюционной Академии наук и то противодействие, на которое натолкнулось это намечавшееся открытие отечественной материалистической науки. Первая мировая война с 1915 г. прервала и все другие попытки В.А. Хахлова.

И все же неправильно было бы сказать, что его труды в то время не дали никаких плодов и последствий.

Мы говорили, что В.А. Хахлов неоднократно сообщал проф. П.П. Сушкину о своих исследованиях проблемы «ди-

кого человека», получая от последнего советы и некоторую встречную информацию. Согласно воспоминаниям Хахлова, уже в ответ на первые сообщения, посланные в 1907 г., Сушкин тогда же прислал ему пространное письмо на 27 почтовых листах, целиком посвященное вопросу о происхождении человека.

Ото была лишь первая из попыток П.П. Сушкина, орнитолога и палеонтолога по специальности, обратиться и к теории антропогенеза. Изучение архива и литературного наследства П.П. Сушкина дало ценный материал для характеристики развития его взглядов в этой области.

В записях курса лекций Сушкина по зоологии позвоночных, читанных в 1915–1919 гг. в Харькове и Симферополе, обнаружена весьма своеобразная трактовка эволюции отряда приматов и, в том числе, возникновения человека. Все древесно-лазающие формы приматов рассматриваются здесь как узкоспециализированные отклонения от генеральной линии развития приматов, ведущей к человеку. Последний развился не из древесно-лазающих форм, – в безлесной, горной, холодной области. Оттуда он распространился и в Европу, и на юг (Архив АН СССР (Москва), ф.319, оп.1, № 22.).

Следующая попытка была сделана Сушкиным в 1922 г. в статье «Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата» (Сушкин П.П. Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений кли-

мата // Природа, 1922, № 3–5.). Здесь повторяется тезис, что предок человека не был древесным животным. Сушкин утверждает, далее, что строение ноги человека свидетельствует о его древней приспособленности к лазанию не по деревьям, а по скалам. Отсюда – возможность перехода человека к прямохождению. Он сформировался в высокогорной зоне Азии. Но, сложившись там еще в третичную эпоху, он не мог выдвинуться среди расцвета фауны млекопитающих того времени, пока похолодание в четвертичную эпоху не привело к вымиранию значительной части этой фауны. Человек же не вымер от оледенений, ибо у него «небогатый с самого начала волосяной покров» был дополнен использованием огня, более того, он смог теперь широко распространиться.

Через пять лет, уже опираясь на сотрудничество с антропологами и археологами, в частности с Г.А. Бонч-Осмоловским, П.П. Сушкин выступил с новой, последней статьей: «Высокогорные области земного шара и вопрос о прародине первобытного человека» (Сушкин П.П. Высокогорные области Азии и происхождение человека // Природа, 1928, № 3, с. 250–279.). Эта попытка выдающегося русского зоолога-дарвиниста по-новому осветить вопрос о природных условиях превращения обезьяны в человека оставила важный след в истории антропологической науки. В этой работе Сушкин принужден был отказаться от значительной части содержания своих предыдущих двух концепций: неоспоримые данные анатомии и эмбриологии убедили его в происхождении

человека от древесной лазающей формы. Но вот что примечательно: отказавшись от важнейшей посылки, он сохранил тезис, что человек сформировался в скалистом ландшафте и суровом климате нагорной Азии. Для примирения этого с тезисом о происхождении человека от древесно-лазающего примата послужила гипотеза о роли своеобразного (дизъюнктивного) характера горообразования в Центральной Азии: довольно быстрое поднятие части земной коры здесь «как на подносе» вознесло на иную абсолютную высоту, следовательно, в иной климат, местную фауну. В этом холодном климате леса исчезли, и третичный предок человека должен был из древесно-лазающего стать скало-лазающим, а затем и прямоходящим существом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.